

СЕРБСКОЕ СЛОВО Арзамас

СЕРБСКОЕ
СЛОВО

Арзамас

Ивана
Димич

Ивана
Димич

Перед вами сербский писатель, не знающий
русского языка, но выросший из отпоровшейся
подкладки Гоголевской шинели.

Только благодаря одаренным, преданным своему
делу и посвященным в тайны ремесла переводчикам.
Да здравствуют переводчики!

Читая, вы узнаете, что я не отделяю жизнь
от литературы, что для меня в равной степени реальны
и мамин водопроводчик, и Чехов, и Эмили Дикинсон,
и сами слова со своей мелодией...

Они – мои белые мосты, перекинутые
через любую боль.

Об этом речь в моей книге: об «арзамасском ужасе»,
через который каждый человек должен пройти...,
чтобы узнать, что любовь сильнее смерти.

И в а н а Д и м и ч
М а й 2 0 1 8 г.
Б е л г р а д

Ц е н т р
к н и г и
Р у д о м и н о

ISBN 978-5-00087-164-5

СЕРБСКОЕ СЛОВО

И в а н а
Д и м и ч
Арзамас

М о с к в а
Ц е н т р
к н и г и
Р у д о м и н о
2 0 1 8

УДК 821.163.4-3

ББК 84(4)-44

Д46

Перевод на русский язык осуществлен
при финансовой поддержке
Министерства культуры и информации
Республики Сербии

Издательство благодарит Вукосаву Джапа-Иветич
за помощь при подготовке перевода к печати

Книга вышла при поддержке
Фонда Марины Садомской «МОЯ ЛИНИЯ»

Ответственные редакторы серии

«СЕРБСКОЕ СЛОВО»

Е.В.Сагалович и Ю.Г.Фридштейн

Дизайн серии Т.Н.Костериной

В оформлении использован фрагмент
графической композиции Марины Садомской
«Женщина в четырех измерениях»

Димич, Ивана

Д46 Арзамас / Ивана Димич; [перевод с сербского Елены Сагалович]. –
М.: Центр книги Рудомино, 2018. – 192 с. – (Серия «Сербское слово»).

ISBN 978-5-00087-164-5

Роман сербской писательницы Ивана Димич «Арзамас» – это причудливый сплав драмы и прозы, трагедии и комедии, вымысла и реальности. Тема романа – взаимоотношения матери и дочери, старой матери и стареющей дочери, одна из самых важных экзистенциальных тем. Мама «чуждит», но мама не виновата. Страх смерти, «арзамасский ужас» Льва Толстого, счастье предчувствия, горечь любви, смех и слезы. Перед читателем проходит галерея персонажей, населяющих современный Белград – врачи, адвокаты, водопроводчик, почтальон, – и персонажи, занимающие мысли дочери, – Чехов, Рассел, Витгенштейн, Гойя, Хайдеггер. И Эмили Дикинсон, поэтесса, чья жизнь и смерть остаются загадкой. Ивана Димич – лауреат премии еженедельника НИН (Белград) 2016 г. за лучший роман года, написанный на сербском языке.

ББК 84(4)-44

УДК 821.163.4-3

© Ivana Dimić, 2016, 2018

© Елена Сагалович, перевод, 2018

© Марина Садомская, графика, 2018

© ООО «Центр книги Рудомино»,

издание на русском языке, оформление, 2018

От автора

Перед вами сербский писатель, не знающий русского языка, но выросший из отпоровшейся подкладки Гоголевской шинели. Только благодаря одаренным, преданным своему делу и посвященным в тайны ремесла переводчикам. Да здравствуют переводчики! Я могу поблагодарить их за то, что когда-то полюбила литературу, читая русских писателей. За то, что и моя книга сегодня перед вами.

Читая, вы узнаете, что я не отделяю жизнь от литературы, что для меня в равной степени реальны и мамин водопроводчик, и Чехов, и Эмили Дикинсон, и сами слова со своей мелодией... они – мои белые мосты, перекинутые через любую боль.

Об этом речь в моей книге: об «арзамасском ужасе», через который каждый человек должен пройти..., чтобы узнать, что любовь сильнее смерти.

Ивана Димич

Май 2018 г., Белград

Граф Толстой.... приехал
покупать крупное купеческое
имение под Арзамас; почти
сговорились, переночевал
в купеческом доме, человек
лег спать, лег спать хозяин,
у него был слуга, он лег
в комнате рядом, и вдруг
во сне человек испытал ужас.
Смерть ему на ухо сказала:
«Это ты меня боишься»;
счастье и смерть – вот это
«арзамасский ужас».

Виктор Шкловский
«Энергия заблуждения»

Часть первая

Амам

Прекрасное слово – амам. Недавно выяснилось, к моему изумлению, как некое слово греческого происхождения ошибочно считалось турецким. Со словами никогда наперед не знаешь, известно, что они могут быть непредсказуемыми. Однако «амам» в любом случае означает «ванная», что со стороны этого слова весьма любезно и очаровательно. Я люблю ваннные комнаты. Постоянно представляю себе различное расположение сантехники, хотя она заведомо неподвижна. Наверное, именно поэтому.

Кроме того, если посмотреть на анаграмму этого слова, то оно оказывается земным творением огромной силы и может вызвать у человека все, что угодно, от мучительного надлома и анорексии интимности до бирюзового блаженства.

Лекарство от давления

Дочка

Выпей лекарство.

Мама

Мне не надо.

Дочка

Выпей лекарство, говорю тебе.

Мама

Я выпила.

Дочка

Не ври, я знаю, что ты не пила.

Мама

Я выпила.

Дочка

Ей-богу, не знаю, что с тобой делать. Почему ты такая упрямая!

Мама

А почему ты такая нервная!

Дочка

Потому что ты меня нервируешь. Выпей лекарство.

Мама

Мне надо будет сходить на рынок, мне нужны коренья для бульона. Если бы не я, в этом доме вообще не было бы еды. Обо всем я должна думать.

Дочка

Я комедию про тебя напишу, чудовище упрямое!

Мама

Как тебе не стыдно, ослица несчастная! Наговариваешь на родную мать!

Дочка

Выпей лекарство, или я пишу комедию.

Мама

Пиши, пиши, так и так ее никто не поставит. Если бы я столько книг прочла, я бы по комедии в день писала, мои книги в киосках бы продавались. Во дворах бы мои пьесы ставили. Будь я на твоём месте, я бы уже и на квартиру заработала, и не надо было бы тебе у меня жить. Что поделаешь, если мои дети такие нескладные. Если бы я не давала уроки, чтобы вас прокормить, вы бы годами с хлеба на воду перебивались.

Дочка

Выпей лекарство, мама, ну, не вредничай, я на работу опоздаю.

Мама

Будь жив папа, ты бы надо мной так не издевалась. Вот, дожила на старости лет.

Рождественское послание

Перед Рождеством пришло письмо с точными указаниями, как мне жить. Меня это очень обрадовало, поскольку человек никогда не бывает до конца уверен в том, что ему делать. Будущее неизвестно, и с ним всегда все неясно. Теперь, когда у меня есть указания, мне надо всего лишь им внимательно следовать, по порядку. И можно, как говорится, завить горе веревочкой. Мне не надо больше ни о чем думать, у меня есть надежная опора.

Однако вскоре после счастливого прибытия драгоценного послания неожиданно все резко поменялось. Буквы в эпистоле начали терять форму и превращаться в непонятные знаки какой-то давно утерянной письменности. Скоро все содержание стало похоже на бухарский ковер, и расшифровать его было невозможно. Сначала мне казалось, что в этом нет ничего страшного, суть указаний была свежа в памяти, человек в состоянии навсегда запомнить то, что для него важно. Кто бы оказался настолько не в себе, чтобы забыть собственное будущее, когда оно, хотя бы однажды, ему полностью открылось? Но, по ходу жизни, данных становилось все больше, а память стала меня подводить. По прошествии известного времени память о послании окончательно стерлась.

Предсказанное будущее превращалось в настоящее, и этот алхимический процесс всякий раз заново уничтожал полученное знание. В конце концов, когда и моя память превратилась в бульон, и когда будущее совсем от меня ускользнуло, я начала задаваться вопросом, кто же послал мне это «письмо счастья». И почему мне до сих пор не приходило в голову это выяснить?

Письмо

Мама

Ты не спишь?

Дочка (*просыпается.*)

Мама, что случилось?

Мама

Я хотела кое-что у тебя спросить.

Дочка

Тебе плохо?

Мама

Я пишу письмо адвокату. Не могла бы ты его подредактировать?

Дочка

В три часа ночи редактировать? Ты в своем уме?!

Мама

Что ты кричишь? Никогда ничего нельзя попросить, сразу кричишь.

Ноябрь

Грубо говоря, но это правда, легче быть несчастным, так же, как удобнее быть наглым. Жизнь предлагает людям массу неприятностей и множество доказательств того, что они, люди, во всех смыслах лучше своих ближних. Несправедливость и глупость прозрачны, их легко распознать, и они до противности под рукой. Смерть немилосердна и пугающе непредсказуема. Человеку не надо долго мучиться в поисках неприятностей ни в своей, ни в чужой жизни.

Когда, однако, принято решение отдать предпочтение несчастью, человеку становится абсолютно понятно, почему он все время был обижен: на людей вокруг себя, на события, на погоду, а больше всего на смерть и саму жизнь. Тогда человек незаметно становится профессионалом в том, чтобы весь отпущенный ему век израсходовать на этот напрасный труд. Упорно и старательно, он вновь и вновь доказывает, насколько несправедливо он обделен, и размахивает собственным несчастьем, как футбольный болельщик флагом своей команды, потому что оно, несчастье, дает ему и силу, и аргументы. Как следствие, такая деятельность неизбежно сделает его ленивым, заносчивым и оправданно циничным. Тогда единствен-

ное, что ему остается, – постараться, чтобы ему по жизни было хорошо, а самому никогда не надо быть хорошим.

Дело в том, что жизнь пройдет между несправедливостью и неприятностями, и человек может ее прожить, так и не задавшись вопросом, а не должен ли он кому-нибудь что-нибудь, и может ли он что-нибудь сделать сам, и насколько и почему он счастлив, при том, что он всегда был не хуже и не лучше других. Поэтому он так никогда и не узнает, как несчастье может помочь счастьем, и как смерть может даровать мудрость и покой тому, кому она нанесла самую сильную боль.

Посудомоечная машина

Мама

Мне нужна новая посудомоечная машина.

Дочка

Зачем?

Мама

Эта сломалась.

Дочка

У нас нет столько посуды, нам не нужна машина, и уж точно, не такая большая.

Мама

А я привыкла, что у меня есть посудомоечная машина.

Дочка

Мама, успокойся. Зачем нам машина? У нас от силы две тарелки наберется.

Мама

Мне нужна посудомоечная машина.

Дочка

Хорошо, мы можем купить маленькую машинку, когда я получу какой-нибудь гонорар побольше.

Мама

Исключено.

Дочка

Что исключено?

Мама

Я хочу такую же машину.

Дочка

У нас же не ресторан, и не гостиница. Зачем нам на двоих такая огромная машина?

Мама

Не кричи, у меня подскочит давление.

Дочка

Так пей лекарства, и не будет у тебя давление скакать.

Мама

А вот ты не знаешь, каково мне.

Дочка

Зато я знаю, каково мне. Что ты себе вообразила? Что я Рокфеллер? Где я возьму такие деньги?

Мама

А у меня есть пенсия, Вообще-то, если бы ты так нос не задирала, у тебя было бы больше денег. У всех этих твоих артистов намного больше денег, чем у тебя. Почему ты не пишешь что-нибудь полезное, что было бы всем интересно?

Дочка

Что, поваренную книгу?

Мама

А почему бы и нет, только ты и готовить-то не умеешь. Если бы не я, ты бы так и питалась супами из пакетиков.

Да и это тебе сложно, потому что на пакетике не написано, в какую кастрюлю наливать воду.

Дочка

Я должна идти.

Мама

Как только надо что-то для меня сделать, ты сразу должна идти. А вот когда приходят эти твои гости, вы часами сидите и болтаете. Тогда ты идти не должна. Пьешь кофе и дымишь, все шторы в доме провоняли. Ты и замуж не вышла, потому что ты такая.

Дочка

Ну, вот, и замужество приплела. Наверное, чтобы этот муж купил посудомоечную машину.

Мама

Мне мой муж покупал все, что захочу. И посудомоечную машину купил, но она сломалась.

Дочка

Мама, я тебе не муж, и хватит уже меня утюжить.

Мама

Да, и утюг мне нужен новый. Все у меня в доме поломалось.

Дочка

Господи!

Мама

Вот только не надо драмы, лучше подумай, как купить мне эту машину.

В поиске березы

В то время, когда Хайдеггер написал, что от переполнявшей его боли окаменел даже порог его дома, он питал исключительно теплые чувства к Гумбольдту, бывшему старше его на сто лет. Поэтому одну из своих наиболее увлекательных книг он завершил цитатой. Разумеется, Гумбольдт ничего об этом не знал, его уже давно не было на свете. Но Хайдеггер подозревал, что его симпатия нуждается во взаимности, и с большой долей уверенности предположив это, стал искать ответ Гумбольдта в цитатах. И, наконец, когда перед публикацией он читал последнюю корректуру своей книги, ему удалось найти фразу. Фраза такая: «Береза никогда не превышает того, что возможно для нее».

Никто никогда не сможет догадаться, ни как Гумбольдту удалось передать послание своему новому другу в будущее, ни когда этот друг сообразил успешно его распознать. Но Хайдеггер, теперь тоже давно мертвый, переступил через порог, открыл дом бытия и пришел к истине. Он понял, что язык – это убежище присутствия. Разумеется, тогда ему было нетрудно, опираясь на собственное знание и будучи окрыленным знаками, поискать и найти ответный подарок от Гумбольдта.

Этот нигде не отмеченный момент радости Хайдеггера загадал мне загадку, и с отгадкой мне больше медлить нельзя. И каким бы ничтожным ни было это объяснение, ставшее следствием единственно невозможности помыслить, что я брошусь в пропасть в надежде не рухнуть в пустоту.

Я должна найти березу Хайдеггера.

Тиреоидоз

Мама

Какое такое у тебя знакомство, что мы так долго должны ждать?

Дочка

Я тебя привела к лучшему доктору, он тут главный.

Мама

Может быть, он главный по политической линии.

Мама

Мама, не вредничай. Потерпи еще немножко. *(Их вызывают.)* Ну, вот, это мы.

Доктор

Здравствуйте, что беспокоит?

Мама

У меня рак щитовидки. Он меня душит, я едва дышу.

Доктор

У вас с собой результаты анализов?

Дочка

Да, доктор, вот, пожалуйста.

Доктор *(маме.)*

Раздевайтесь, я вас осмотрю. *(Смотрит результаты.)*
Хорошо, хорошо, хорошо... тут все в порядке. Изменений никаких нет, но у вас, сударыня, очень высокое давление.

Мама

Нет у меня давления.

Доктор

Надо последить. Это очень нехорошее давление. Вы принимаете лекарства от давления?

Мама

Принимаю.

Дочка

Не принимает.

Доктор *(осматривает маму.)*

Знаете что, я сейчас вам объясню кое-что про давление. Когда у вас поднимается давление, вы принимаете препарат, и давление снижается. Тогда вы перестаете пить лекарства, а давление в следующий раз поднимается выше, чем в первый раз. Вы опять его сбиваете лекарствами и опять перестаете их пить, а оно подскакивает еще выше. Так и до инсульта недалеко, если нерегулярно принимать лекарства.

Мама

А что с моей щитовидкой?

Доктор

Со щитовидкой все в порядке.

Дочка

Доктор, она уже перенесла инсульт, и все равно не хочет принимать лекарства.

Доктор

Вот как?

Мама

У меня не было инсульта.

Дочка

А что это было?

Мама

Это я отравилась бензином.

Дочка

Ага, и лежала в неврологии! Известно, что туда кладут отравившихся бензином. Что ты выдумываешь, как будто врачи не могут проверить?

Доктор *(улыбается.)*

У госпожи действительно был инсульт?

Мама

Говорю же вам, не было, я отравилась бензином.

Дочка

Доктор, у нее был парез левой стороны, если бы ее сразу не положили в больницу, не знаю, чем бы дело кончилось. Это было два года назад. Поэтому этим летом ей удалили узлы на щитовидке. *(Маме.)* Ты не можешь сказать, что этого не было, потому что у тебя виден шрам.

Доктор *(дочери.)*

Она должна регулярно принимать препараты от давления.

Дочка

Не знаю, что вам сказать, доктор, я все время пытаюсь, но без толку.

Мама

А что с моей щитовидкой?

Доктор

Ваша щитовидка в порядке, но вам надо принимать лекарства от давления.

Мама

Я их принимаю.

Доктор (дочери.)

А вот у вас щитовидка увеличена. Я хотел бы посмотреть ваши анализы.

Дочка

Ерунда, доктор, это все от нервов.

Бдение Гойи

Однажды ночью Франсиско де Гойя увидел во сне качели на эшафоте. Больше ничего в этом сне не было: ни ребенка, который качался бы на качелях, ни расстрельного взвода, который бы кого-нибудь расстреливал, ни казненных осужденных. А Гойя проснулся в паническом страхе. Потом он долго страдал от бессонницы. Наверное, не решался подойти к кровати в страхе, что в следующем сне какие-нибудь призраки из тайных запасов времени будут качаться на пустом эшафоте. Тогда, проведя долгое время без сна, он вспомнил свою мать, которая растила его с нежностью без тепла, и подумал, что вся его потребность в живописи стала печальным следствием этого плодотворного предательства. Так он обрел новое чувство благодарности, именно в тот момент, когда обнаружил дополнительные твердые основания ее ненавидеть. Чтобы отогнать такие неподобающие мысли, он взялся читать *Небесную механику* Лапласа. Так он запутает бессонницу, думал он, вразумит ее и, в конце концов, укротит. В мире знаков геометрия – это язык разума, но в мире мыслей разум имеет склонность предаваться заблуждению, от которого не может избавиться. Отбросив книгу и побоявшись, что никогда больше

не заснет, Гойя обратился к новой стратегии, к мыслям о Микеланджело. Вскоре в его мысленном пространстве возникла *Пьета*. Теперь он мог передохнуть, любуясь складками, отрицающими тяжесть мрамора. И в тот момент, когда напряжение спало и ему показалось, что теперь он отдохнет, его обуял ужас. Как будто бы в сердце его проник какой-то гипнотический холод. Гойя, как сомнамбула, послушно сел к мольберту и начал писать.

Много лет спустя один знаменитый искусствовед сказал, что высшая свобода дается только тем художникам, которые отринули происхождение судьбы от античного мифа, тем, кто покорно принял неизбежность материи и событий. Гойя, если бы его понял, наверняка бы согласился с этим пронизательным замечанием. Но так, в одиночестве и без поддержки будущего, без славы и признания, он сделал то единственное, что умел. Он ополчился на свою бессонницу и попытался достойно ответить на вызов. Так возникла картина под названием *Расстрел повстанцев в ночь на 3 мая 1808 года*.

Электричество

Мама

Ты не спишь?

Дочка (*вскакивает.*)

Что случилось?

Мама

Я только хотела тебе сказать, что нет электричества.

Дочка

Зачем тебе электричество среди ночи?

Мама

Тебе надо выключить компьютер и телевизор, потому что потом, когда резко дадут ток, все аппараты могут сломаться.

Дочка

Мама, ложись.

Мама

Только не говори потом, что я тебя не предупреждала.

Шаль Елены

В церкви Елена всегда стояла с внутренней стороны первого северного пилона, напротив алтаря. Иногда она садилась на скамью немного отдохнуть во время службы или достать из сумки большую шерстяную шаль, чтобы кому-нибудь дать или самой накинуть, когда было прохладно. Она была благонаправной особой, мягкой и ласковой в общении. Всегда казалось, что ей всё по душе, поскольку у нее, как и у всех истинно утонченных людей, не было особых претензий ни к обстоятельствам, ни к окружению. А ее понимания, терпения и тепла хватало с избытком на всех и на каждого отдельно. Так, в ее присутствии любой, кто пожелал, мог себя чувствовать защищенным и свободным. А мог и не заметить, ее благосклонность к людям не страдала тщеславием. Елена просто любила людей такими, какие они есть, ее толерантность была следствием многолетнего опыта и материнского тепла со склонностью прощать.

А потом в какое-то воскресенье она не пришла. Ее место у пилонa во время службы пустовало. И что-то подсказывало, что она никогда больше не придет. Сначала мне было непонятно это отсутствие, меня сердило, что ее нет. Мне ее не хватало, чтобы иногда прислониться к ней

в церкви, когда у меня начинали болеть ноги, или когда мне было холодно. Иногда мне было нужно ее обнять или хотя бы видеть, как она идет по двору к скамьям, неспешным шагом, слегка наклонив голову, со спокойной улыбкой на лице. Мне вообще было непонятно, как теперь все будет, когда ее нет. Больше ничего не было, как раньше.

А шаль после последней встречи случайно осталась у меня, и меня утешало, что, погружая в нее лицо, я согреваюсь. Потом я стала все время мерзнуть, но шаль всегда была со мной, в любое время года. Так прошло некоторое время, а потом вдруг удивительным образом еще раз все изменилось.

Сначала мне показалось, что я ее вижу, но это было только сначала. А потом я прислоняюсь к пилону, и мне удобно, как будто это надежное «материнское» плечо Елены. Потом я начинаю ощущать ее присутствие, иной раз у того же пилона, в другой раз в саду, потом в коридорах дворца и на скамейке во дворе.

Теперь, когда я точно знаю, что она здесь, я больше так не мерзну, могу и другим спокойно одолжить шаль Елены, если кому-то вдруг случайно понадобится.

Порванные чулки

Дочка

Мама, что случилось?

Мама

Я порвала новые чулки.

Дочка

Как? Ты упала?

Мама

Да.

Дочка

Где ты упала? Что случилось? У тебя что-нибудь болит?

Мама

Я хотела успеть на автобус, но споткнулась, когда побежала.

Дочка

Зачем ты бежала за автобусом? Я же дала тебе деньги на такси.

Мама

Не могу я так бросать деньги на ветер. Я не привыкла, чуть что, тратить деньги на такси.

Дочка

Тебе не двадцать лет, чтобы бегать за автобусом. Ты могла себе что-нибудь сломать.

Мама

Новые чулки порвала, совершенно новые.

Дочка

Мама, я куплю тебе чулки, только прошу тебя, не бегай больше за автобусами. А куда ты ездила?

Мама

К доктору, взять направление к ортопеду.

Дочка

К какому ортопеду, зачем?

Мама

У меня рак на правой ноге, ужасно болит.

Дочка

Значит, теперь рак спустился на ногу?

Мама

Ты понятия не имеешь, несчастная.

Дочка

Сначала я тебя водила на компьютерную томографию головы. Помнишь, когда ты ударилась о подоконник, и объявила шишку раком. Потом мы ходили к эндокринологу, а теперь, значит, к ортопеду. Только вот лекарства от давления ты не пьешь.

Мама

Я ежедневно измеряю давление и записываю, поэтому я лучше знаю, когда надо принять лекарство. Лучше запиши меня к ортопеду, я на ногу ступить не могу.

Дочка

Ты эту коленку сейчас ушибла, когда упала?

Мама

Да нет же, я порвала левый чулок, а болит у меня правое колено. Я уже целую неделю капустный лист прикладываю. Запиши меня к ортопеду, и чтобы я не ждала, как в прошлый раз. Найди какое-нибудь знакомство получше.

Ускорение

Ускорение всегда предвещает близость смерти. Только оно замаскировано живостью. Наше сердце так устроено, что, когда мы оставляем его в покое, оно действует самостоятельно. Оно диктует ритм дыханию, которое мы не в состоянии даже услышать, настолько оно ненавязчиво. Стоит нам только начать прислушиваться, стыдливое дыхание сбивается. Под наблюдением сердце ускоряет свою работу, а его владельцу, как только он начинает за ним шпионить, обязательно становится плохо. Сердце – это слуга, который оскорбляется, когда хозяин за ним наблюдает, что естественно, потому что никто не любит, когда за ним наблюдают, это выражение недоверия. С другой стороны, ускорение принуждает сердце работать сверхурочно и эксплуатирует его.

Лучше всего было бы приспособиться к тому, что еще древние римляне рекомендовали в своей пословице: «Спеши медленно!» А к этому можно добавить: «И не подгоняй свое сердце, пусть оно тебя ведет, оно – тот редкий слуга, который мудрее своего хозяина».

Вожделение

Дочка

Мама, где ты была?

Мама

Я ходила продлевать права.

Дочка

Зачем, у нас же больше нет машины.

Мама

Я куплю новую.

Дочка

На какие деньги?

Мама

На свои.

Дочка

И что, тебе продлили права?

Мама

Конечно.

Дочка

Ушам своим не верю!

Мама

Что?

Дочка

Того, кто тебе продлил права, надо в тюрьму посадить.

Мама

Кто тебе виноват, что ты не умеешь водить. Когда я куплю машину, то буду ездить на рынок, а не таскать эту тяжеленную сумку на колесах.

Дочка

Мама, ты не будешь водить машину, ни свою, ни чужую, это я тебе стопроцентно гарантирую.

Мама

Нет, буду.

Дочка

Не будешь, не будешь.

Мама

Что ты так боишься автомобилей! Если бы ты научилась водить, то не боялась бы так. Как бушмены боятся фотоаппаратов.

Дочка

Я тебе покажу бушменов, каждый раз, когда я садилась с тобой в машину, мы чудом не погибали.

Мама

Я вожу прекрасно. Только папа водил лучше меня.

Дочка

Помню, как ты последний раз парковалась на трамвайных путях. Я тебе говорю, мама, ты не можешь оставить

здесь машину, здесь ходят трамваи. А ты говоришь, пусть подождет, мне только купить укроп. Потом меня чуть не растерзали, я же стояла рядом с машиной.

Мама

Ну, если ты такая бестолковая. Отошла бы от машины, и никто бы тебя не тронул. И почему ты всегда вспоминаешь что-нибудь неприятное. Вот я помню только приятные вещи.

Дочка

Когда ты двадцать два года назад поехала к Теодоровичам в гости, то въехала в первый же столб, как только тронулась с места.

Мама

Потому что вы все прилипли к окну, чтобы посмотреть, как я буду выезжать, и не дали мне сосредоточиться.

Дочка

А десять лет назад ты снесла этого бедного мотоциклиста, когда хотела припарковаться на нашей улице.

Мама

А что он лез ко мне под колеса, когда я ехала. Он не смотрел.

Дочка

Ты его ударила, не он тебя.

Мама

Ничего с ним не случилось, он даже не ушибся, только немного испугался и уехал. Хватит об этом. Я вожу лучше любого таксиста. Они даже улиц в Белграде не знают, мне приходится постоянно говорить им, куда ехать.

Дочка

Поэтому тот таксист хотел тебя выкинуть из машины, когда вез тебя в *Сава-центр*, а ты все время тарыхтела, куда и как ему ехать.

Мама

Так в городе полно простонародья, с этим ничего не поделаешь. Каждый раз, как только начинается какая-нибудь война, всех коренных белградцев тут же поубивают, а потом отовсюду понаедут. Только эти более или менее цивилизуются, опять война, и снова-здорово. Сейчас нас, коренных белградцев, по пальцам можно пересчитать.

Дочка

Тот факт, что кто-то коренной белградец, ничего не значит. Тесла был из деревни, но он был намного культурнее тебя.

Мама

Тесла играл в карты, еще будучи студентом, и если бы к нему не приехала мать и его не вразумила, быть ему бродягой. Никогда бы ничего из него не вышло.

Дочка

Вот так, мама. Матери – главные. Только ты больше похожа на мать братьев Далтонов¹, а не на мать Теслы.

Мама

Не знаю про этих братьев, а вот если бы ты опять пошла на постоянную работу, я могла бы под твою зарплату

1 Братья Далтоны (банда Далтонов) – группа преступников на американском Диком Западе в 1890–1892 гг., специализировались на банковских и железнодорожных ограблениях. – *Здесь и далее прим. пер.*

взять автокредит. Я видела такой хорошенький «фиат-пунто», просто прелесть.

Дочка

Больше ты машину водить не будешь, тебе слишком много лет, ты никогда толком водить не умела, и я тебе этого не позволю. Точка.

Мама

Боже, какое ты чудовище, как будто не мой ребенок. Сама себе не верю, что я родила такую тетку. Ты всегда была мне как свекровь.

Дочка

Ну, мама, я у тебя то, что есть, придется с этим смириться. Ты живешь со мной, со мной и придется обо всем договариваться.

Мама

Когда мне понадобится, я могу у Драгицы одолжить машину, она мне даст.

Дочка

Я позвоню всем твоим друзьям и знакомым и попрошу машину тебе не давать.

Мама

Хорошо, что ты замуж не вышла, иначе этот бедняга пожалел бы, что его нацисты не посадили в концлагерь.

Дочка

Как угодно. Но я тебе сказала, и повторять не буду. Машина – не игрушка, а ты – опасность на дороге. Мама, пойми простую вещь, не будь такой неразумной. Тебе много

лет, внимание уже не то, я не могу допустить, чтобы ты садилась за руль.

Мама

У тебя нет прав, а у меня есть. Не знаю, как ты можешь мне запретить.

Дочка

Послушай, ни я тебе хозяин, а ты мой раб, ни наоборот. Тебе надо научиться со мной договариваться, потому что мы живем вместе.

Мама

А как? Я никогда этого не умела.

Дочка

Сейчас самое время научиться.

Мама

Значит, я не смогу ездить?

Дочка

Нет.

Мама

А как же я на рынок?

Дочка

Я схожу, когда скажешь, и принесу все, что нужно.

Мама

А я буду сидеть тут как в тюрьме?

Дочка

Мама, ты каждый день ходишь, куда хочешь, и делаешь все, что тебе взбредет в голову. У тебя все хорошо, но чего нельзя, того нельзя. За руль ты не сядешь. Точка.

Мама

Террористка.

Дочка

Не знаю, кто тут кого терроризирует. Твоим бы методам и сам Бен Ладен позавидовал.

Мама

Никто не знает, каково мне, и что я должна терпеть на старости лет.

Дополнительное переживание

М.М.

Меня давно мучила одна загадочная пословица простого содержания. Как-то на уроке грамматики в средней школе учительница сказала, что союз может быть в предложении подлежащим. А потом привела пример такого случая, и звучит это так: «“Но” девушке счастье портит». С тех пор прошло пятьдесят лет, а мне никак не удается вникнуть в смысл и отправить эту фразу на склад памяти.

Наконец, сегодня ночью вижу странный сон. Во сне на пешеходном переходе меня сбивает машина, но я все-таки оказываюсь на противоположном тротуаре, при этом без единой царапины. Я оборачиваюсь и сердито выкрикиваю: «Но жизнь продолжается!» Резко просыпаюсь и думаю: «Какой странный сон. И что значит *но*, хотелось бы мне знать?» Потом вспоминаю мучивший меня пример из грамматики, и в этот миг мне становится ясно, что я должна найти разгадку.

Жизнь, стало быть, идет, заданная временем, и у человека нет выбора. Даже смерть – сомнительный помощник, если встать на ее точку зрения. Остается блуждать, спотыкаться и пытаться. Копить и тратить течение жизни. Жизненный путь расходует человека, мучает и учит,

а искушение, правда и любовь прорастают, как придорожные памятники.

Если бы человек мог предвидеть, что составит содержание его судьбы, он не смог бы из последующих переживаний научиться мудрости. Он был бы совершенен сразу, и все было бы ясно, как на ладони. Какой образцовой была бы жизнь с такой идиллической картиной, какая воцарилась бы гармония и цельность. Любой человек в любой момент мог бы быть праведным и счастливым! Время от насыщенности совершенством могло бы кристаллизироваться в картину только что сорванного белого тюльпана.

Но жизнь продолжается.

У терапевта

Доктор

За последние две недели вы обошли всех врачей и сдали все анализы. Мы не пропустили ни одного обследования. Ваши внутренние органы в прекрасном состоянии.

Мама

Вы видели, как у меня раздулся живот. У меня рак в животе, совершенно точно.

Доктор

Нет у вас рака. Не беспокойтесь, вы здоровы. Вот только давление у вас...

Мама

Не говорите мне ничего про давление.

Дочка

Доктор, ей нравится иметь рак. Только этот рак хитрый, постоянно сбегает от всех докторов. В прошлом месяце мы были у ортопеда. Тогда у нас рак спустился в колено. Потом выяснилось, что у нее нет даже остеопороза. Вся больница собралась посмотреть, как у человека в восемьдесят лет такая здоровая структура костей.

Мама

Кто тебе дал право говорить, сколько мне лет?

Дочка

Извини, мама, доктор, конечно же, неграмотный и не прочитал в твоей карте, сколько тебе лет.

Мама (*доктору.*)

Знаете, этот ортопед – знакомый моей дочки, а это значит, что врач он так себе. Да что он знает!

Дочка

Конечно, ничего не знает, поскольку специалист по опухолям костей.

Доктор

Вы были у ортопеда?

Дочка

У ортопеда, эндокринолога, невролога, теперь вот у вас, в Первой хирургии прошли все обследования, но этот рак у нас все время где-то прячется, когда надо, чтобы его обнаружили врачи. Но зато к кардиологу мы вообще не ходим. Кардиолог мне сказал, что стал дадаистом. Только и кричит: «Да! Да!» На все, что мама скажет. Он понял, что ему лучше с ней соглашаться, потому что она и так все лучше знает и никого не хочет слушать.

Мама

Ладно, не болтай глупости. Знаете, доктор, моя дочка писатель, все время что-то придумывает. Просто так, приукрашивает.

Доктор

Что делает?

Дочка

Ну, вру и придумываю.

Доктор

Интересное выражение – приукрашивает.

Мама

А что вы хотите, кто-то на что-то годится, кто-то совсем ни на что.

Страх кенотафа

Я отрекись от всего, от вещей, и мыслей, и желаний. Только мне нужно еще немного времени. Нет, ошибаюсь. Речь не о времени. Мне необходимо смирение, упрощение и внутренняя гармония. Когда я этого достигну, у меня больше не будет ощущения, что мне чего-то не хватает. Так я надеюсь только под конец жизни овладеть искусством невидимого бытия в полной свободе. Только бы моя смерть не прошла незамеченной. Было бы обидно, если мои бранные останки, не важно, в результате какой манипуляции, останутся непогребенными. Глупо было бы не быть нигде, когда у меня уже забронировано место в семейном захоронении, и деньги на похороны отложены. В моей семье, среди самых близких, есть случаи непохороненных, это мой дедушка. Но он был жертвой политического террора, а я, в своем излишнем стремлении к совершенству, стану жертвой собственного усовершенствования. Опозорюсь перед лицом смерти, и это после таких стараний построить с ней прекрасные близкие отношения, притом исключительно по моей инициативе. Смерть будет удивляться: зачем столько трудов, глубоких раздумий, если не окажется самых элементарных условий для нашего первого свидания в вечности.

Денационализация

Мама (*стоя над дочкиной кроватью.*)

Просто чтобы ты знала, это просто скандал, что они творят. Ты не спишь?

Дочка (*просыпается.*)

Что опять, мама?

Мама

Ты подумай только, в новостях сказали, что проголосуют за закон о денационализации.

Дочка

В каких новостях, сейчас полчетвертого утра?

Мама

Но я так разнервничалась, что не могу заснуть. Подумай только, как будто бы будут возвращать имущество, а вот у меня крадут чердак. Мало было, что у меня коммунисты в сорок пятом отняли дом, а теперь победили демократы, и у нас еще и чердак украли. Говорят, они привыкли, что у них отбирают, даже и не заметят.

Дочка

Мама, это может подождать до утра?

Мама

Я хотела тебя попросить, чтобы ты сходила к премьеру и к президенту страны, и отнесла мою жалобу, которую я написала.

Дочка

Как ты себе это представляешь?

Мама

Ты же человек искусства, тебя они примут.

Дочка

Президент и премьер меня примут? Они целыми днями сидят в кабинетах и принимают людей искусства. Делать им больше нечего. Высшие должностные лица государства ждут не дождутся заняться твоим чердаком. А как ты думаешь, может быть, мне обратиться к Кофи Аннани, чтобы назначить специальное заседание ООН по поводу твоего украденного чердака?

Мама

Я уже подготовила письмо в Страсбург, этим, которые занимаются правами человека.

Дочка

Мама, может быть, ты пока пойдешь спать, а утром мы все это обсудим?

Мама

У тебя никогда на меня нет времени.

Одинокая ируканджи

Ируканджи – это маленькая медуза, она бы легко поместилась на ладони человека, и абсолютно прозрачная. Она могла бы остаться незамеченной не только в глубинах океана, где она обитает, но ее было бы трудно разглядеть в большом умывальнике, такая она крошечная. А ее боится все живое. Не то чтобы она хотела кому-то сделать зло, ируканджи не создана с какими-то конкретными намерениями, и менее всего убийственными. Но просто ее существование смертоносно. Чего бы она ни коснулась, все убивает. Поэтому эта медуза размножается партеногенезом, и весь свой морской век коротает одна. В тот роковой момент, когда она сталкивается с другим живым существом, она его убивает и погибает сама. Только смерть всегда готова, великодушно и без оглядки, принять в свои объятия маленькую ируканджи и избавить ее от одиночества.

Поэтому легенда гласит, что эта медуза рождается влюбленной в смерть.

Деменция на пороге

Дочка

Когда я сказала, что ты придешь, она выдумала какое-то срочное дело и слиняла из дому.

Доктор

Послушай, не она самая большая проблема, а ты.

Дочка

Я? Почему я?

Доктор

Потому что у нас больше всего проблем с детьми дементных пациентов. Детям труднее всего понять, что их родители больны. А что касается нее, ты должна понимать, что она перенесла два инсульта, ей удалили узлы на щитовидке, то есть, это человек, у которого разрушен центр понимания, осознания и критичности.

Дочка

У моей матери никогда в мозгу не было этого центра, уверяю тебя.

Доктор

Все равно, она имеет право вести себя, как хочет, но ты должна понять, что это болезнь.

Дочка

Сейчас она вернется, и ты на нее посмотришь. У нее энергии хватит на три бульдозера, мне действительно трудно воспринимать ее как немощую. Каждый день она проезжает по мне два-три раза.

Доктор

Ты должна дистанцироваться.

Дочка

Посмотрела бы я на тебя, как бы ты дистанцировался, живи ты с ней.

Доктор

Обращай все в шутку.

Дочка

Какую шутку, она всякий раз доводит меня до умопомрачения. Я разум теряю, а не то что чувство юмора.

Доктор

Ты должна успокоиться. Я назначу тебе седативы, иначе ты разболеешься, если и дальше будешь так нервничать.

Дочка

Не надо седативы, я от них делаюсь сонная. Лучше посмотри, пока ее нет, эту ее тетрадку, куда она записывает давление. Посмотри пакет с лекарствами, скажи мне, что она принимает.

Доктор

Давай, посмотри. (*Листает тетрадь.*) Так она четыре раза в день измеряет давление?

Дочка

Да, это у нее главная терапия.

Доктор

Смотри, что интересно. У нее самое высокое давление в полночь. Что она такое по ночам делает, что у нее тогда такое высокое давление?

Дочка

Гладит, а иногда моет ступеньки в коридоре.

Доктор

Почему в двенадцать ночи?

Дочка

Откуда я знаю. Потому что у нее резьба кривая.

Доктор *(перебирает лекарства в пакете.)*

Это точно подобранная терапия, все препараты хорошие.

Дочка

Да, только я вообще не представляю, когда и какие лекарства она принимает.

Мама *(входит.)*

Такая давка в универсаме, просто что-то невероятное, и, представляешь, люди такие бессовестные, одна нас на целых полчаса задержала, все искала мелочь в кошельке, и тогда я, ничтоже сумняшеся, вышла из очереди и напрямик к кассе. У меня нет времени столько ждать! Что они себе думают? А я взяла и подошла без очереди, и говорю, что я дама в преклонных годах, и не могу столько стоять в очереди, пусть они получше организуют эти кассы, а я не могу тут торчать. У меня дел невпроворот,

не могу я тут толкаться в очередях. А потом какой-то начал возмущаться, но я его проигнорировала.

Дочка

Мама, это мой друг, доктор, поздоровайся.

Мама

Нет, у меня в голове не укладывается. (*Садится на пальто врача.*) Здравствуйте! Знаете, моя дочка на редкость наглая. Она мне указывает, что я не знаю, что такое приличное поведение, а на самом деле это она невоспитанная. Знаете, она ругается, как извозчик. Это она там, в театре, набралась, там все ругаются, как извозчики.

Дочка

Мама, ты села доктору на пальто.

Мама

Ну? И что? (*Доктору.*) Вы не знаете, как мне с ней живет-ся. Как будто у меня поселилась свекровь. Вот, чтобы вы знали.

Доктор

Приятно познакомиться.

Мама

Извините, мне надо отнести провиант на кухню, и я приду с вами посидеть. А вам что-нибудь предложили? Не удивлюсь, если нет. Моя дочка настоящая бездельница.

Доктор

Все в порядке, спасибо, вот, пью кофе.

(*Мама ненадолго выходит.*)

Доктор

А она принимает эти седативы, из пакета?

Дочка

Час назад выпила ксанакс, я видела.

Доктор

Значит, она под препаратами так раздражительна, это нехорошо. Может быть, надо давать ей барбитураты.

Дочка

Как я ей что-нибудь дам, если не могу ее контролировать, а она не слушается.

Доктор

А добавлять в еду?

Дочка

Невозможно, она ест в разное время.

Весна

Пришла весна. Это возможность, которую ни в коем случае нельзя упустить. Неважно, что весна имеет склонность повторяться, и каждый год вновь приходит в более или менее той же форме. Также не следует пренебрегать тем обстоятельством, что человек с возрастом тяжелее переносит климатические изменения. Не говоря уже о том, что тот, кто насмотрелся вёсен, не увидит ничего особенно нового.

Однако, все не совсем так. Во-первых, жизнь дает человеку не так много поводов для радости, так что неразумно упускать те, что даются ему бесплатно. Во-вторых, может быть, это последняя весна в чьей-то жизни, и тот факт, что он упустил возможность ей порадоваться, только усилит общую печаль космоса. И, в-третьих, когда человек столько раз радовался весне, почему бы не сделать над собой усилие и не обрадоваться и на сей раз. От этого никому не будет вреда, а человек внес свой небольшой, но существенный вклад в исцеление ран мироздания. И, может быть, хотя бы на мгновение, остановит Вселенную, скатывающуюся в пропасть.

Кухня

Мама

Не трогай эту кастрюлю, это «Цептер».

Дочка

И? Ею нельзя пользоваться?

Мама

Это дорогая кастрюля, лучше возьми вон ту, в горошек. Ты не умеешь пользоваться посудой «Цептер», а я ее покупала в рассрочку.

Дочка

А теперь ты ее бережешь, чтобы начать пользоваться, когда я сдохну?

Мама

Хватит, не болтай глупости, лучше подай мне вон те тарелки, я их положу в машину.

Дочка

И как тебе машина?

Мама

Неплохая. Хотя та, старая, была лучше. У этой нет таймера.

Дочка

Как это – нет? А это что?

Мама

Этот таймер не такой, как тот, мой.

Дочка

Но это не значит, что его нет.

Мама

Ну, ну. А еще мне нужен электрический нож. Этот заедает.

Дочка

Огласи, пожалуйста, весь список, что тебе еще нужно, черт бы тебя побрал.

Мама

Не сквернословь.

Дочка

Я не сквернословила.

Мама

Сквернословила. Мне нужен тостер, и духовка сломалась.

Дочка

Тебе придется подождать, пока банкомат не заработает денег. Сейчас я на мели.

Мама

Уф, можно подумать, это так дорого.

Дочка

Мама, успокойся. Недели не прошло, как доставили это посудомоечное чудовище, побудь немного довольной.

Мама

Кто-то звонит. Пойди, открой.

Дочка

Тебе послышалось.

Мама

Пойди, открой.

Дочка

Да никто не звонил, говорю тебе.

Мама

Постоянно кто-то звонит, особенно ночью, и убегает, как только я подхожу к двери.

Дочка

А почему я никогда не слышала?

Мама

Я тебе говорю, кто-то звонит. Иди, посмотри.

Дочка

Мама, не фантазируй.

Мама (*роняет чашку. Чашка разбивается.*)

Ой, моя чашка!

Дочка

Ладно, не переживай, это всего лишь чашка. Вот, я уберу.

Мама

Это ты виновата! Если бы ты тут не крутилась, я бы ее не уронила. Это из сервиза, что теперь делать!

Дочка

Не переживай, я куплю тебе новый сервиз.

Мама

Такие больше не продаются.

Расписание и уроки

Так случилось, что я сама по себе. То, что я пишу, не поэзия, по крайней мере, в узнаваемой форме, проза от меня отказалась из-за краткости и относится к моим рассказам, как река к недостойному ручью, а пьесы любят, чтобы их смотрели, и никто особенно не стремится их читать. Но, может быть, мне не стоит кокетничать с современностью и до срока ей себя безосновательно рекомендовать. Надо только заниматься своими делами, будущее назовет все своими именами и выстроит свою последовательность. На самом деле, есть столько непристроенных, нельзя сказать, что я в плохой компании. У отдельных произведений тех, кого современность удобно разместила, даже не углубляясь, я вижу картонные подошвы ботинок. Они размокнут от первого же дождя, шагнув в будущее. И не рекомендуется присутствовать на уроках по их расписанию, когда время начнет менять свой способ существования.

Шурупы при землетрясении

Дочка (*открывает дверь.*)

Где ты была?

Мама

У меня были кое-какие дела.

Дочка

Посмотри, который час! Что за дела у тебя были?

Мама

Что ты на меня набросилась, дай переобуюсь.

Дочка

Мама, я беспокоилась. Тебя так долго не было.

Мама

Чего тебе беспокоиться?

Дочка

Как это, чего мне беспокоиться? Ты нормальная? Тебя так долго нет!

Мама

Не ори, свекровь!

Дочка

Скажи, где ты была!

Мама

Я буду уходить, когда хочу, и приходить, когда хочу!

Дочка

Да иди, ради бога, но почему ты не позвонила, чтобы я знала, где ты?

Мама

Говорю тебе, у меня были дела.

Дочка

Почему ты не взяла с собой мобильный телефон, зачем тогда он нужен? Чтобы лежать на тумбочке?

Мама

Я слышала, что у этих телефонов сильное излучение, нехорошо их носить близко к себе.

Дочка

Ага, надо, чтобы он дома лежал.

Мама

Ну, по крайней мере, у меня его не украдут. В газетах писали, что их все время крадут, эти мобильные телефоны. Кто-то звонит, открой.

Дочка

Никто не звонит. Мама, прошу тебя, не устраивай мне больше таких исчезновений. Ты понимаешь, что должна мне позвонить, чтобы я знала, где ты?

Мама

Исключено. Так меня моя мать контролировала в юности, все время дожидалась меня в окне. Я это больше всего ненавидела – что меня кто-то контролирует.

Дочка

Да ты только позвони, чтобы я знала, что все в порядке, и скажи, когда придешь.

Мама

Что это трясется?

Дочка

Что трясется?

Мама

Пол трясется. И люстра качается.

Дочка

И, правда. Похоже, землетрясение. *(Звонок в дверь.)*

Мама

Кто-то звонит.

Дочка

Слышу. *(Открывает. Входит мастер.)* Здравствуйте, смотрите, похоже, землетрясение.

Мастер

И, правда, прямо-таки трясет. А я думал, меня шатает от пива.

Мама

Мастер Ранко, вы принесли шурупы, чтобы повесить мне ту полочку?

Мастер

Ох, забыл. Но я принес клапан для ванной.

Дочка

Включу-ка телевизор, может быть, что-нибудь скажут про это землетрясение.

Мама

Не надо, вдруг тебя ударит током. Пусть лучше Ранко.

Мастер

Я вот что думаю, схожу-ка я за шурупами.

Дочка

Подождите, пока перестанет, вдруг вам что-нибудь упадет на голову, когда выйдете на улицу. Вот, лучше всего нам всем встать здесь, в дверях.

Мама

Да, дверной косяк самое безопасное место. Этот дом строил мой папа, здесь везде безопасно. Я во время Второй мировой войны спокойно сидела в своей комнате и читала *Забавник*². Папа всегда говорил, что этот дом немецкие бомбы не могут разрушить.

Мастер

А пива у вас нет?

Дочка

Один момент.

Мама

Хотя, когда бомбили союзники, в той комнате у нас окно выпало из проема. Они бомбили нас намного сильнее немцев. А когда сейчас бомбили, отвалилась водосточная труба.

Дочка (*приносит бутылку пива с пробкой.*)

Извините, есть только начатое пиво.

Мама

Это я пила.

Мастер

Никогда не видел, чтобы затыкали пробкой так мало пива.

Дочка

Может, ракию?

Мастер

Дай, дочка, немного успокоить нервы.

Мама

Я всегда была экономной, так меня приучили. Зачем выбрасывать, пиво может постоять.

Дочка

Похоже, прекратилось.

Мастер

Похоже.

Мама

Давайте, Ранко, сейчас прибьем полочку.

Мастер

Я сначала думал клапан поменять.

Мама

Нет, сначала полочку.

Мастер

Я же вам сказал, что забыл шурупы.

Мама

Сейчас я посмотрю, может быть, у меня есть какие-нибудь шурупы в ящике с инструментами. Я ничего не выбрасываю, должны быть и шурупы.

Дочка

Ты хранишь и счета за коммуналку с 1950 года. Поэтому у нас дом захламлен. Знаете, Ранко, здесь никогда ничего не выбрасывают. Нам скоро присесть будет негде из-за старых газет и полиэтиленовых пакетов.

Мама

Может, пригодятся.

Дочка

Вот, опять затрясло.

Мастер

Я пошел за шурупами. *(Выходит.)*

Мама *(ему вслед.)*

Куда вы, Ранко, я нашла шурупы. Сбежал. Ничего, я позволю его жене, и она велит ему прийти. Он ее боится больше, чем землетрясения. А я ведь сказала ему, что здесь безопасно. Хоть бы телевизор включил, чтобы узнать новости.

Дочка

Стой здесь, не ходи туда-сюда, тебе люстра упадет на голову.

Мама

Пойду, уберу мою китайскую вазу, чтобы не разбилась.

Дочка

Забудь пока про вазу.

Мама

Ты бы все повыбрасывала и побила. Как будто ты не моя дочь. *(С полки ей на голову падает толстая кулинарная книга.)* Ой!

Дочка

Мама! Больно? Подожди, сейчас приложу лед, чтобы не вскочила шишка.

Мама

Да ничего страшного, но теперь у меня снова может быть опухоль мозга. А я только хотела убрать вазу. Не открывай холодильник, а то током ударит.

Танцы до упаду, или Заколдованный круг

Вот смерть, опять ко мне подкрадывается. Ей кажется, совершенно без всяких на то оснований, что она меня застанет врасплох. А не тут-то было. Я жду ее в полной готовности. Но должна признать, что мне немного неприятно из-за этой ее новейшей склонности подражать детским играм, таким, как жмурки, прятки, пятнашки и тому подобное. Что это за выбор, человеку впору разнервничаться. Где тут серьезный подход, торжественный тон, адекватный страх и трепет? Она же налетает на меня из-за плеча, сзади, умильно пошучивая: «Вот ты меня видишь – вот ты меня не видишь!» А сама готовится вмазать мне со всей дури прямо между глаз. Хочет сбить меня с ног, наверное, для нее главное развлечение – придумывать способы, как поставить мне шах и мат в три хода, хотя известно, что число шагов в квадратуре круга предопределено судьбой. Она будет играть, играть, а потом навалится фронтально, а я, по ее плану, развалюсь, как деревянная марионетка, из которой выдернули нити. Тогда смерть будет ликовать и смеяться над судьбой, которая еще в греческой мифологии иерархически

размещена на более высокой позиции. Она хотела бы вписаться в современность, поэтому имитирует главные тренды глобализации, у которых нет снисхождения ни к одной общечеловеческой ценности, ни уважения к вечным кантовским вещам в себе.

Поскольку я настороже и все это предвижу, вот уже какое-то время смерть берет меня измором. Ждет, когда я сдамся, чтобы меня добить. Ладно, посмотрим. Я постараюсь, чтобы соблюдался порядок следования, и не пойду навстречу ее модным амбициям любой ценой угодить настоящему. Наконец, она должна бы учитывать, что я ее не осуждаю, и что бы она мне ни делала, я ее все равно люблю.

Жизнь без развлечений

Мама

Пойду, схожу на рынок, куплю свеклу.

Дочка

Зачем тебе на рынок по такой погоде, не хватало только поскользнуться и упасть.

Мама

Но я должна купить свеклу.

Дочка

Скажи, что тебе нужно, и я куплю.

Мама

Ты не умеешь делать покупки, купишь все не то.

Дочка

Ты скажи только, что тебе нужно.

Мама

Я должна сходить сама, ты не знаешь, что у кого покупать. И вообще, это у меня единственное развлечение, время от времени сходить на рынок.

Дочка

Как это? Вчера ты была на премьере в Белградском драматическом театре.

Мама

Ну, премьеры же не каждый день.

Дочка

В какой-то вечер ты была на выставке, ты каждый вечер где-нибудь бываешь, я и в студенческие годы столько не развлекалась.

Мама

Кто тебе виноват, если ты бука и не умеешь развлекаться.

Дочка

На той неделе ты была на концерте Ашкенази.

Мама

Да, я потом подошла к Ашкенази и сказала ему, как мы с папой были на его концерте, когда он двадцать лет назад выступал в *Сава-центре*.

Дочка

Как же тебе удалось поговорить с Ашкенази, там столько народу?

Мама

Вот так случилось. Я не могла его не поприветствовать, раз я его встретила. Я не такая недотёпа, как ты, и не бегу сразу домой. Я постою немного и кого только ни встречу. Он меня поблагодарил и был со мной весьма любезен, к твоему сведению.

Дочка

Ну, хорошо. Тогда почему ты говоришь, что сходить на рынок твое единственное развлечение?

Мама

Кто это сказал?

Дочка

Ну, ты.

Мама

Брось, не выдумывай, когда это я такое сказала?

Дочка

Пять минут назад.

Мама

Не припоминаю, чтобы я такое говорила. Ты вечно наизнанку выворачиваешь все, что я говорю, и приукрашиваешь.

Иерусалим

Воздух желтый, как стены строений, когда ветер дует в Иерусалиме. От близости пустыни и песка в воздухе. Там все люди – братья. Настоящая презентация рода человеческого. Они непримиримы и до истребления воюют друг с другом за свои права. На них свалился огромный груз абсолютной ответственности, безусловной любви и избыточной человечности. Потому что они живут там же, где Бог. Это страшное бремя. Оно делает человека склонным к падению.

Однако и в таком неблагоприятном распределении геномов и географии можно обнаружить утешительную мысль. Если у эталонных образцов человеческой семьи жизнь такая несовершенная и тяжкая, то нам, менее заметным, вовсе не так плохо. И мы можем исправиться. Если найдем в себе силы постараться.

Адвокат

Мама

Вот, посмотрите, господин Трифкович, они никогда не получали разрешение на строительство. Это не моя подпись. Это кто-то из этих бандитов, что у нас отняли чердак, вместо меня подписался.

Адвокат

Это подделка. Мы вчиним им иск.

Мама

Разве за подделку не сажают в тюрьму?

Адвокат

В принципе, сажают, но у нас это не так просто.

Мама

Почему?

Дочка *(входит.)*

Потому что у нас нет правового государства.

Мама

А, это моя дочка. *(Дочке.)* Господин Трифкович, адвокат.

Дочка

Здравствуйте.

Адвокат

Здравствуйте.

Мама

Знаете, господин Трифкович, моя дочка писатель. Вот, я покажу вам ее книги. *(Достает с полки.)*

Дочка

Мама, перестань.

Мама

Почему? Посмотрите, здесь у меня журналы, газеты, где написано про мою дочку. Она известная и очень успешная. Посмотрите, какая тут ее фотография красивая.

Дочка *(адвокату.)*

Извините меня. *(Убирает газеты и книги.)* Моя мама, знаете ли...

Адвокат

Мне интересно, не убирайте, пожалуйста. *(Рассматривает газеты.)* А вы работаете в театре?

Дочка

Да.

Адвокат

В каком театре вы работаете?

Дочка

В разных, я фрилансер.

Мама

У нее была постоянная работа, но она уволилась. Если бы меня спросили, этого бы не случилось.

Дочка

Тебя не спросили.

Мама

К сожалению. Глупый ребенок, что тут поделаешь.

Дочка

Ну, какой же я ребенок, уже одной ногой в могиле.

Мама

Не обращайтесь внимания. Она, так, болтает, что вы хотите, писатели все немного ненормальные.

Адвокат

Мне пора. Об этом не беспокойтесь, я все это передам в суд. *(Дочке.)* Приятно было познакомиться. До свидания.

Дочка

До свидания.

Мама

Когда мне вам позвонить?

Адвокат

Я сам позвоню, сударыня, как только будут новости. *(Уходит.)*

Мама

Приличный человек, адвокат. Ты могла бы быть любезнее.

Дочка

Я была вполне любезна, что ты выдумываешь?

Мама

Ты не должна была говорить, что ты старая. Такое мужчинам никогда не говорят.

Дочка

Только не надо мне читать лекции о мужчинах, у меня будет нервный припадок.

Мама

Ну, почему ты такая нескладная, ты же понравилась господину адвокату.

Дочка

Зачем мне ему нравиться, это же адвокат.

Мама

Солидный человек, юрист.

Дочка

Мама, оставь меня в покое. И не надо меня больше рекламировать, я не зубная паста.

Мама

Я сто раз тебе говорила, что в обществе мужчин тебе надо вести себя по-другому. Помалкивай и не дыми так.

Дочка

Ты эксперт по отношениям.

Мама

Да. Твой отец в меня влюбился с первого взгляда. И он не единственный, кто был в меня влюблен. Мной все были очарованы. Помню, как по мне вздыхал Риле, он, конечно, и по сей день в меня влюблен.

Дочка

Господи, а это кто такой?

Мама

Мой обожатель с сорок седьмого года. Я ему очень нравилась, он посылал мне вот такие букеты роз. Если подумать, я могла бы пригласить его на чай. Наверняка он обрадуется.

Дочка

Надо проверить, жив ли он еще.

Мама

Если жив, то наверняка будет в восторге, когда я приглашу его в гости.

Отсюда до вечности

В один прекрасный день пройдет вся моя тоска, уйдут и самообман, и все страхи. В один прекрасный день я буду сведена к своей сути и смогу перестать стараться. Пространство развалится, и время меня отпустит. Наступит всеобщее согласие и полный совершенный покой. А до тех пор я буду терпеть, потому что у меня нет выбора. И я буду стараться себе нравиться, чтобы потом в вечности мне не досаждали воспоминания о бессмысленной неудавшейся жизни.

Водопроводчик

Мама

Что это?

Мастер *(ремонтирует смеситель.)*

Здравствуйте.

Мама

Кто вы?

Дочка

Мама, это мастер. Он ремонтирует смеситель и бачок.

Мама

Зачем? Ранко же все исправил.

Дочка

Затем, что после Ранко потекло еще сильнее.

Мама

Ранко все умеет ремонтировать.

Дочка

Да, мама, но это водопроводчик, а не комендант из твоей школы, на пенсии.

Мама

Он все умеет, а не то, что теперешние мастера, которые только деньги берут.

Мастер

А вам ваш комендант бесплатно ремонтирует?

Мама

Он мне все ремонтирует за сто динаров.

Дочка (мастеру.)

Извините, пожалуйста, не обращайтесь внимания, моя мама просто говорит глупости.

Мама

Что ты имеешь в виду? Что я не умею говорить? Если тебе не нравится, то и не слушай.

Мастер

Ну, вот, я закончил. Пришлось поменять трубу целиком, эта проржавела.

Дочка

Больше не протечет?

Мастер

Гарантированно.

Дочка

Сколько я вам должна?

Мама

Будьте любезны, подойдите сюда, повесьте мне эту картину на стену.

Дочка

Мама, оставь мастера в покое.

Мастер *(дочке.)*

Да ладно, повешу. *(Вешает картину.)*

Мама

Вы закончили? А теперь взгляните, почему этот тостер не работает?

Мастер

Это вам надо электрика спросить.

Мама

А вам, что, трудно посмотреть?

Дочка

Мама, оставь мастера в покое. *(Мастеру.)* Сколько я вам должна?

Мастер

Тысячу двести динаров.

Мама

Ого! Тогда вы обязательно должны починить тостер.

Дочка *(дает мастеру деньги.)*

Мама, перестань.

Мама *(Пытается всучить мастеру тостер.)*

Если вам сейчас некогда, возьмите его с собой и отремонтируйте его дома.

Мастер

Я водопроводчик.

Мама

А вы умеете устанавливать бойлер?

Мастер

Умею.

Мама

Так в бойлере электричества намного больше, чем в тостере. И что, вам трудно починить этот маленький тостер? Гонорар-то вы хороший получили.

Дочка

Мама, оставь мастера в покое. (*Мастеру.*) До свидания, спасибо вам. Извините еще раз.

Мастер (*маме.*)

До свидания. (*Дочке.*) Ничего, я знаю, как это. Я живу с тещей. Все понимаю. (*Уходит.*)

Мама

Все они жулики. Ему, что, трудно было починить тостер?

Дочка

Мама, так больше не пойдет.

Мама

Что?

Дочка

Нельзя так себя вести с людьми.

Мама

С какими людьми, что ты болтаешь?

Дочка

Пристала к человеку с тостером, меня позоришь...

Мама

Что ты так нервничаешь, это же не редактор в издательстве, а обычный мастер.

Дочка

Все равно. Прошу тебя больше не вмешиваться, когда ко мне кто-нибудь приходит. Сиди в своей комнате.

Мама

Это мой дом, и я должна знать, что тут делается. Я не могу позволить, чтобы невесть кто сновал по дому.

Дочка

Мама, это водопроводчик, и я его привела. Он не «невесть кто».

Мама

Видишь же, что он ни на что не годится, не умеет даже простой тостер починить. Ой, звонил какой-то Милойкович, я ему сказала, что ты уехала.

Дочка

Как это? Это же человек, с которым мы вместе работаем. Почему ты так сказала?

Мама

Так он звонит уже в третий раз, зануда какой-то, наверное. Теперь, по крайней мере, неделю звонить не будет.

Дочка

Мама, прошу тебя, не оказывай мне такие услуги. Я по телефону получаю заказы. Может быть, ты меня оставила без работы. Не делай этого.

Мама

Так если он тебе нужен для работы, найди его номер и позвони сама. Я хотела, как лучше. К тебе постоянно пристают, чтобы ты оказывала им услуги. Я знаю, что ты вечно носишься и работаешь бесплатно на всех, кто ни попросит. Поэтому и денег у тебя нет. Если бы я для тебя договаривалась о работе, у тебя было бы намного больше денег.

Дочка

Мама, если ты еще раз такое сделаешь, я съезжаю.

Мама

Как ты съедешь, если тебе некуда?

Дочка

Сниму квартиру, а ты останешься одна.

Мама

У тебя денег нет, чтобы снимать квартиру.

Дочка

Заработаю, потому что ты не будешь снимать трубку и давать ложную информацию.

Мама

Тебе всё всегда не слава богу. Вместо спасибо, что я тебя спасла от зануды, ты еще и злишься. А я хочу, чтобы у тебя все было хорошо. Как ты такая получилась, как будто цыгане подкинули, а ведь тебя воспитали в приличном доме. Маленькая ты была такая хорошая. Никогда не капризничала. А теперь только орешь. Это всё потому что ты замуж не вышла. Будь ты замужем, так бы не бесилась.

Дочка

Хватит!!!

Мама

Что с тобой? Чего ты орешь?

Дочка

Хватит надо мной издеваться.

Мама

Хочешь, заварю тебе ромашковый чай? Он успокаивает.

Окно в торце

Однажды случайно в кухонном окне я увидела необычную сцену. Человек сидит на скамейке у дорожки, обрамленной дикой мятой, и плачет. Лицо его от слез блестит, как осенняя луна. Он плачет неслышно.

Я слегка прячусь за занавеской, чтобы, оставаясь незаметной, посмотреть внимательнее. Наверное, скорее, из праздного любопытства, чем от желания помочь. Разумеется, если я решу, что помощь нужна. А для этого мне все-таки надо немного понаблюдать. Если бы на его лице были заметны причины тоски, может быть, было бы благопристойно что-то предпринять. Но человек совершенно спокоен, только слезы текут. Он похож на какой-то древний каменный источник, из которого вечно капает вода. Он вообще не шевелится. Как, впрочем, и я.

Вдруг слышу, как открываются двери, и мне становится стыдно. Я быстро иду к раковине и наливаю стакан воды. Мне приходит в голову, что это мама выходит из своей комнаты. Ей, разумеется, как ребенку, можно сказать почти все, что угодно, и она это воспримет всерьез, но мне все равно было неприятно.

Потом меня долго, как тупая зубная боль, мучило какое-то неопределенное чувство вины, и вид этого запла-

канного незнакомца. Что же с ним случилось? Хотя у меня полно своих забот. Так прошло много времени, пока меня не оставило это неприятное воспоминание.

С пор я осторожнее выглядываю в окно. Посмотрю, какая погода, и отойду. Лучше не лезть в чужие дела. Нельзя шпионить за плачущими людьми. Это не проходит без последствий.

Ванная комната

Дочка

Занято!

Мама (*перед дверью ванной комнаты.*)

Я только хотела взять пудру...

Дочка

Мама, выйди, ты же слышишь, что я кричу «Занято!»

Мама (*в дверях, входит.*)

Хорошо, я только возьму...

Дочка

Прошу тебя, выйди, ты же видишь, что я здесь!

Мама

Только...

Дочка

Выйди, говорю тебе!

Мама

Хорошо, только зачем орать. (*Закрывает дверь ванной комнаты.*) Я только хотела взять пудру.

Дочка (*выходит.*)

Вот, теперь можно.

Мама (*входит.*)

Я хотела тебя кое о чем попросить.

Дочка

Что?

Мама

Я сейчас должна идти, у меня дела. Придет почтальон и принесет для меня посылку, так ты получи за меня.

Дочка

Хорошо.

Мама

И заплати, она наложенным платежом.

Дочка

Хорошо.

Мама

Посмотри, у меня седина появилась, вот здесь, на висках.

Дочка

О чем ты говоришь! Все нормальные люди к тридцати годам седеют.

Мама

Не издевайся, безобразница. У моей матери не было седины, и у меня нет седины, и у тебя нет, это у нас хорошая генетика.

Дочка

У меня все-таки чуть-чуть есть. Я не так отстаю в развитии.

Мама

Наверное, мне придется начать краситься.

Дочка

Самое время, как товарищ Тито, в восемьдесят лет.

Мама

Молчи, безобразница.

Дочка

Что ты размалевалась, как Глория Свенсон?

Мама

Это румяна, так модно.

Дочка

Мама, ты выглядишь, как бродячий цирк. Дай, сотру.
(Вытирает ей щеки.)

Мама

Я не могу все успевать, надо убирать квартиру, за всем следить, бороться со строительной мафией, ходить по врачам, мне некогда изучить, как теперь красятся.

Дочка

Такие стрелки и зеленые тени носили до 1967 года. Чуть-чуть запаздываешь с трендами.

Мама

Лучше так, чем ходить ненакрашенной, как ты.

Дочка

Ага, лучше. И куда это ты опять собралась?

Мама

Тебя не касается, свекровь. У меня есть дела.

Дочка

Какие такие у тебя все время дела, мне прямо вот интересно.

Мама

Я тебя не спрашиваю, какие у тебя дела, и ты меня не пытай.

Дочка

Но я работаю, мама, я не на пенсии. И всегда говорю тебе, куда иду и когда вернусь, чтобы ты не беспокоилась.

Мама

Я и не беспокоюсь.

Дочка

Но я беспокоюсь.

Мама

Ладно, не будь такой занудой, занимайся своими делами.

Дочка

Хорошо, но что, тебе трудно сказать, куда ты идешь?

Мама

Ну, ладно, если тебе так угодно, я иду в *Мажестик*. Мы там встречаемся с приятельницами.

Дочка

Опять?

Мама

Каждую пятницу. И убери это свое мыло из ванной. Может быть, Драгослава ко мне зайдет.

Дочка

А почему надо убрать мыло?

Мама

Потому что для гостей я поставила жидкое мыло. Надо его использовать, а не то, твое.

Дочка

Чем мое мыло не угодило твоим гостям, ты в своем уме?

Мама

Оно нарушает мой порядок в ванной. Лучше, когда там стоит только то приятное жидкое мыло.

Дочка

Я не буду ничего убирать, и ты не вздумай. И я живу в этом доме, и мое мыло будет лежать на своем месте. Что, мое мыло такое гадкое, чтобы его убирать, когда к тебе приходят гости?

Мама

Хорошо, только не ори, я это так сказала, из-за эстетики.

Дочка

Ты у меня разбираешься в эстетике, у тебя живые цветы стоят рядом с искусственными.

Мама

Тебе лишь бы ссориться, недотёпа. Сходи куда-нибудь с друзьями, может быть, не будешь все время так злиться.

Велосипед

Я оставила в навсегда потерянном времени все свои попытки силой воли заставить действительность сопутствовать мне. Я ее не укротила, поражение повергло меня на колени, в пыль и тишину. По правде говоря, я пыталась быть осмотрительной, часто давала сама себе кучу полезных советов, но безуспешно. Жизнь была проворнее любого доказательства, она безостановочно летела под гору навстречу самоуничтожению.

Действительность дала о себе знать с треском, перезревшие иллюзии лопнули и теперь лежат в лужицах собственной крови, брошенные, как раненый гранат.

Но любовь все-таки то, от чего когда-нибудь надо отказаться. Надо стать кирзовым сапогом на горло своим желаниям. Именно они всякий раз вносят путаницу. Потому что они борются с действительностью за место предводителя. Когда фазы путаются, пропадает заземление. А это всегда приводит к короткому замыканию и очерняет образ невинной любви. От этого потом только электрики в выигрыше, а все прочие, однако, постоянно в убытке.

На люстре

Дочка

Мама, что ты делаешь?

Мама

Протираю люстру.

Дочка

Давай, слезай.

Мама

Сейчас, только закончу. *(Слезает со стремянки.)*

Дочка

Ты в своем уме? Зачем ты влезла на стремянку?

Мама

Оставь меня в покое. Чего ты орешь, убогая! Я должна убраться в квартире, ко мне придут гости.

Дочка

Ты зачем влезла на стремянку? Я же тебя просила этого не делать. Хочешь упасть и свернуть себе шею?

Мама

Некому стереть пыль, и, вообще-то, я всю жизнь протираю люстры в этом доме.

Дочка

Мама, я тебя предупреждаю! Не вздумай больше влезать на стремянку! Это приказ! Тебе понятно?

Мама

Что ты на меня вылупилась, здесь тебе не театр.

Дочка

Не груби, я действительно сердита. Это тебе красная карточка, имей в виду. Еще раз увижу тебя на стремянке, и тебя убью, и стремянку сломаю.

Мама

О, боже, горе мне, я не могу даже гостей позвать в свой собственный дом. К тебе все время гости приходят, а когда я в кои-то веки хочу пригласить своих подруг...

Дочка

При чем тут стремянка? А домработницу я зачем нанимала? Пусть она по стремянкам и лазает.

Мама

Домработница не умеет как следует почистить люстры.

Дочка

Мама, это просто безобразие, впору сдать тебя в сиротский дом на Звечанской, вот там и измывайся над воспитательницами. Ты такое вытворяешь, что тебя и не удочерит-то никто.

Мама

Что ты несешь?

Дочка

Или в приют для беспризорников, самое подходящее для тебя место.

Мама

Не приукрашивай, идиотка.

Достойный противник

Бывают такие дни, когда неприятные события следуют одно за другим, стечение неблагоприятных обстоятельств, когда все катится под откос. Разумеется, не следует быть до такой степени сверхчувствительным. Это, в конце концов, необъективно. И, само собой, вредно для трезвого рассуждения. Не следовало бы поддаваться своим страхам, потому что они, объединившись с жалостью к себе, затуманивают зрение и сеют вред.

Однако в тот момент у меня не оставалось достаточно сил, чтобы сопротивляться. Я сдаюсь и начинаю тонуть. Я падаю медленно, как будто сквозь серо-стальной океан, но все глубже, далеко от источника света, И я вижу, как вода, через которую я прорываюсь, медленно снимает с меня кожу, как будто меня раздевает. Если я что-то не предприиму, то, думаю, так и упаду на дно с содранной кожей. К счастью, приходит мне в голову, вокруг никого нет, потому что в таком состоянии меня бы ранило, если бы кто-нибудь всего лишь скользнул по мне взглядом. В конце концов, я понимаю, что надо прекратить сопротивление.

И, прежде чем наступит чернота, нить одной мысли зацепится за то, что от меня осталось. Если я не проснусь,

все навсегда прекратится. Я оставлю после себя незаконченные дела, вещи, людей, обещания, долги, рукописи, всё. Кроме любви в сердце. А разве этого мало? Найдёт ли смерть, столкнувшись с ней в любой ее форме, более достойного противника?

Почтальон

(Звонят в дверь. Мама смотрит в глазок.)

Мама

Ты открой, меня нет дома.

Дочка

Почему?

Мама

Это почтальон, может быть, принес что-то из суда.

Дочка

Хочешь, я распишусь?

Мама

Нет, пусть вернет.

Дочка

Хорошо. *(Открывает.)* Здравствуйте, как поживаете?

Почтальон

Что-то похолодало. Вот бандероль для вас, то есть, для вашей мамы.

Дочка

Интересно, что это? Не похоже на книгу, что-то маленькое.

Почтальон

Распишитесь здесь, это наложенным платежом, с вас тысяча пятьсот динаров.

Дочка

Ого, ничего себе, вот, пожалуйста. *(Отдает деньги, берет сверток.)*

Почтальон

Как вам вчерашние новости?

Дочка

Ужас.

Почтальон

Никогда такого не было.

Дочка

Еще все впереди. Любые изменения всегда к худшему.

Почтальон

Это проверено?

Дочка

Это сказал Уинстон Черчилль.

Почтальон

Англичане – самый скверный народ.

Дочка

Да.

Почтальон

Хотя и немцы тоже.

Дочка

Я в начальной школе их и турок писала со строчной буквы³. Из патриотизма.

Почтальон

Теперь турки из Ирана и Ирака главные.

Дочка

Да, пожалуй.

Почтальон

Будь я президентом этой страны, я бы им всем показал. Я бы с этими гаагскими и езовскими бабами сумел бы справиться. Треснул бы кулаком по столу и сказал бы: «Ты знаешь, брателло, кто я такой?» А если бы она только рот раскрыла, я бы ей: «Твою ж мать!»

Дочка

А что не выдвигаетесь? Скоро выборы.

Почтальон

Теща не разрешает, не позорься, мол, а я хотел...

Дочка

Жаль.

Почтальон

Пока, будьте здоровы, привет маме. А ваш папа был очень приличный человек, я вот прямо его любил. Жаль, что умер.

3 В сербском языке названия народов пишутся с прописной буквы.

Дочка

Да-да, до свидания. *(Закрывает дверь.)*

Мама

А что он принес? А что ты так долго с ним болтала? Ой, он бывает таким занудным.

Дочка

Какую-то посылку для тебя. Это что за хрень?

Мама

Не выражайся. *(Берет сверток.)*

Дочка

Я не выражаюсь, скажи мне, что это?

Мама

Это крем от морщин.

Дочка

Что?

Мама

Что – что? Что тебе непонятно?

Дочка

Я себе покупаю какие-то румынские гóвна за триста динаров на Байлонском рынке, а ты...

Мама

Потому что ты неряха, и прекрати выражаться, я тебя предупреждала. Ты никогда не заботилась о том, как ты выглядишь, и не знаешь, чем мажут лицо.

Дочка

Мама, ты уникам, я таких, как ты, больше не знаю.

(Смеется.)

Мама

Не понимаю, что тут смешного?

Дочка

Ничего.

Грязь танцует сальсу

Однажды весь город проснулся в грязи. Все выглядело нереально жидким. Как будто земля перевернулась вверх тормашками, и девять лет шли дожди, пропитанные пылью. Горожане открывали оконные форточки и двигались по городу, медленно пробираясь во тьме, как рыбы в эволюции. Все двери открывались с натужным скрипом. От страха, что грязь их задушит, как только они откроют рот, люди замолчали, а их кости, от усилий сделать хоть какое-то движение, начали говорить. Замерла любая спешка, время разболелось и стало походить на старую граммофонную пластинку, которую по ошибке запустили на семьдесят восемь оборотов. Все было облеплено грязной тьмой.

А потом пошел дождь и начал смывать грязь. Грязь утекала, беспечно подпрыгивая, к низинам и склонам с такой легкостью и скоростью, что иной раз можно было подумать, будто все это был только сон. Никто больше и не вспоминал бы о мрачной тоске и тяжелом дыхании в поработанном времени и пространстве, если бы грязь, уходя, не начала танцевать, оставляя после себя мельтешение мелких складчатых следов, – как ребенок, закончив играть в песочнице и бросив замки и куличики.

Люди потом поставили ограду вокруг окаменевшей грязи на въездных воротах в город. И к вящему недоумению тех, кто не пережил осаду, отмечали годовщину, обходя крошечный монумент в немой процессии. Самым важным было сохранить воспоминание об апокалиптической угрозе торжествующей грязи, которая всегда может снова утвердить свое господство.

Залив Свиней

Мама

Безобразие, что творят эти бандиты!

Дочка

Мама, что случилось? Зачем ты меня разбудила?

Мама

Напали на Кубу.

Дочка

Что? Кто напал на Кубу?

Мама

Американцы.

Дочка

Когда?

Мама

Только что. Сказали по телевизору. Они вошли в залив Свиней.

Дочка

Хоть раз не буди ты меня в полчетвертого утра.

Мама

Если бы русские их не остановили, конец Кубе. А Кен-
неди, якобы, демократ. Тебе должно быть стыдно!

Дочка

Иди спать. Я же не Кеннеди. Впрочем, его убили, и это
случилось давно.

Мама

Кто его убил? Хрущев?

Дочка

Иди, ложись, и чтобы я тебя до утра не видела.

Немой гнев

Пусть никто ничего не делает, пусть никто никогда больше ничего не говорит, пусть все остановится, пусть прекратится движение, события и отношения, пусть наступит молчание. Есть печальные трещины во времени, когда человек не в состоянии вынести и неслышный звук опадающего одуванчика, когда он вообще больше ничего не может вынести. У него нет сил кому-то что-то прощать, понимать, входить в положение, нет сил любить ни самого себя, ни близких. Он не может ни дышать, ни существовать, он хочет, чтобы его не было. Пока не вернется покой.

Кастрюля горит

Дочка

Что это за дым? Ой, мама, ты пожар устроила!

Мама

Чего ты орешь? Ой, что это?

Дочка

Отойди отсюда, обожжешься еще!

Мама

Ой, такую вкусную рульку придется выбросить!

Дочка

Отойди, говорю! Надо открыть окно.

Мама

Так открывай, чего орешь.

Дочка

Ладно, потушила. Ты когда поставила этот суп? Вчера?
Вся кастрюля обуглилась.

Мама

Недавно.

Дочка

В третий раз горит кухня. Ты нас взорвешь.

Мама

Теперь мне надо снова варить суп. Мне трудно. У меня столько дел, я не могу все успевать.

Дочка

Больше ты ничего не будешь готовить. Я запираю кухню на замок.

Мама

Хотела бы я на это посмотреть. Нахалка, ты не будешь командовать в моем доме.

Дочка

Больше не подходи к плите. Надо мастера позвать, побелить кухню.

Мама

Зови, кто тебе не дает.

Дочка

Мама, ты больше не будешь готовить.

Мама

Как это, не буду! Ты, что ли, будешь готовить? Помрем с голоду.

Дочка

Мама, прошу тебя. Видишь, что ты делаешь.

Мама

Слава⁴ через две недели. Надо начинать готовиться.

Дочка

Мы закажем доставку. Ты наготовилась. Все знают, как ты прекрасно готовишь, больше не стоит.

Мама

Последние годы я пеку не двадцать четыре вида пирожных, а только десять.

Дочка

Мы купим пирожные.

Мама

Ну, ладно, как-нибудь в другой раз.

Дочка

Когда?

Мама

Ну, когда я состарюсь, и у меня больше не будет сил.

4 Семейный праздник, день небесного покровителя семьи.

Поездка в Бешку

Рассел со своим учеником Витгенштейном, которого он очень любил за его блестящий ум, сел в поезд и поехал в Бешку. Сам факт, что он предпринял такое путешествие, свидетельствует о снисходительной природе его симпатии. Витгенштейн, предположительно, очень хотел продемонстрировать своему учителю и наставнику, что логические постулаты – это каркас мира, и поэтому уговорил его съездить. Бешка – это совершенно неизвестный маленький городок в Сербии, до которого можно добраться на пароходе, на поезде или по грунтовой дороге. Для осведомленного Витгенштейна это завидное тройное стратегическое преимущество сделало маленькую Бешку магнетически привлекательной, и он утверждал, что философский постулат должен фиксировать действительность, но совсем не заботился о географии. Он полагал, что путешествием в этот населенный пункт продемонстрирует, прежде всего, своему учителю, а также и себе, что процедура доказательства всегда должна быть событием с серьезными последствиями. Поскольку Рассел и сам поддерживал философию своего ученика, некоторым образом считая себя учеником своего ученика, утверждавшим, что метафизический субъект

не принадлежит миру, а является границей мира, он и отправился в эту поездку.

Что они делали в Бешке и надолго ли там задержались, осталось неизвестным, но оттуда на барже они отправились вверх по течению Дуная. Когда они добрались до Тюбингена, Рассел доехал на поезде до французского берега, на пароме через Ла-Манш, и поездом до Лондона, потом местным поездом до Кембриджа и, наконец, на велосипеде до дома. По дороге он замерз и страшно простудился. Витгенштейн, расставшись с Расселом, сел в поезд до Вены, а потом на подводе доехал до деревни Траттенбах. Там он потерял место учителя из-за долгого отсутствия. Это вынудило его искать новую должность. В конце концов, он нашел работу помощника садовника. Однажды вечером Рассел, придя домой после лекции, увидел на своем столе письмо. Витгенштейн жаловался, какие в Траттенбахе скверные люди. Рассел так опечалился, что, несмотря на сильную усталость, не стал дожидаться утра. Он сразу же ответил Витгенштейну, что люди все и везде скверные. Только сочинив это утешение для своего любимого ученика, он отошел ко сну.

Опекунство

Дочка

Я не могу больше этого выносить. Я сойду с ума.

Врач (*подруга героини.*)

Это одно из первых проявлений деменции. Путаются день и ночь.

Дочка

Прошлой ночью она отправилась на прогулку в полпятого утра. Я ее вернула от дверей. Она думала, что сейчас вторая половина дня.

Врач

Надо начинать принимать лекарства.

Дочка

Она не будет.

Врач

Тебе надо оформлять опекунство. У нее деменция развивается очень медленно, но если она отказывается от лекарств, ты не имеешь права ее заставлять, раз ты не опекун.

Дочка

Очень часто она вполне разумна, особенно, когда кто-нибудь зайдет в гости. Прекрасно ведет беседу, и только если разговариваешь с ней больше получаса, начинаешь замечать: что-то не так. Но будит меня каждую ночь.

Врач

Я напишу тебе заключение для оформления опекунства. Только знаешь, это дело долгое.

Дочка

Вчера вечером я заперлась у себя. Когда она поняла, что не может войти, то включила пылесос и начала колотить им в дверь, пока меня не разбудила.

Врач

Что ты сделала?

Дочка

Отняла у нее пылесос и спрятала у себя под кроватью.

Врач

Послушай, ты должна подумать о себе. Она не должна быть виновата в том, что ты себя запустила. Твоя мать старая и больная. Она не отвечает за свое поведение, а ты за свое отвечаешь. Найди способ отдохнуть. Съезди куда-нибудь. Это всё надолго.

Дочка

Уже долго.

Мышеловка

Однажды в сумерках Чехов извлек мышь из мышеловки, отнес ее, держа двумя пальцами за хвост, через весь сад и отпустил. Мышь умчалась прочь по пыльной тропинке. Он хотел сразу же вернуться в дом и продолжить писать с того места, где его отвлекла возня пойманной мыши, но тут оказалась скамейка, и он решил немного посидеть в сгущающихся сумерках, которые быстро изменяют формы теней и вещей. Однако быстро стемнело, как темнеет песок от накатившейся на него волны, время незаметно окаменело, и в наступившей тишине издалека, прямо к скамейке, донесся рокот моря.

Если так неподвижно сидеть, подумал Чехов, то в глубине души можно обнаружить бесконечную звонкость звука, ту, что не слышна ушам, а приходит из ментального пространства детства и ненадолго задерживается в дремлющих мыслях и чувствах, как радостный отклик. От этой мысли Чехову стало неопишимо приятно, в этот исключительный момент время для него потеряло свойство дурной бесконечности, и он, закрыв глаза, начал улыбаться.

Потом вздрогнул от резкого звука какого-то громкого разговора, который быстро усиливался. Открыл глаза

и увидел, как пережитое им быстро исчезает в клочьях тумана. Затем в поле его зрения оказались две барышни, которые, болтая, шли вдоль забора. Одна из них даже остановилась и заглянула в сад, не прекращая говорить. Ей показалось, что она видит кого-то, сидящего на скамейке. Вскоре барышни удалились, и голоса их затихли.

Меня никогда не привлекало то, что меня не касается, я никогда не был любопытным, нахмурился Чехов, глубоко вздохнул, чтобы погасить прилив гнева, угрюмо встал со скамейки и в дурном расположении духа направился к дому.

Кофточка

Дочка

Мама, что случилось? Почему ты плачешь?

Мама

Я хотела купить кофточку.

Дочка

Не плачь. Попей водички и Расскажи мне, что случилось.

Мама

У меня с собой не было денег.

Дочка

Я сию же минуту пойду и куплю. Только скажи мне, в каком магазине.

Мама

На Князя Михаила, такая тонкая черная кашемировая кофточка.

Дочка

Как магазин называется? Хочешь, вместе сходим?

Мама

Не получится. Это была последняя.

Дочка

А что ж ты не сказала продавщице, чтобы отложила?

Мама

Я хотела, но ее взяла Любинка.

Дочка

Как – взяла? Тетя Любинка была с тобой? А почему она тебе не одолжила денег?

Мама

Когда я увидела, что мне не хватает, Любинка сказала, что она ее возьмет.

Дочка

Не понимаю.

Мама

Так и ей понравилась эта кофточка, когда она увидела, что мне понравилась.

Дочка

Завтра я тебе ее куплю.

Мама

Не найдешь. Она была одна-единственная.

Дочка

Найду, не беспокойся.

Отблески

Д.Н.

Удивительными духовными талантами был известен садовник из приморского города Дайсен-Чи. Он умел петь с березами, укрощать северные ветры и переустраивать сады со дна океана. У него были повилика тимьянная, волосы волшебные, циркули о трех ножках, а шепотом ему удавалось повлиять на распределение кристаллов в составе воды. Он владел двухслойным бодрящим сном с ароматами осины и боярышника. Он хранил воспоминания во мраке паутины, укрощал желания молитвой и не стеснялся своих слабостей. Несколько раз он бывал несчастен, жил уединенно и долго, и умер с улыбкой. Любовь его сердца сохранилась в космических нотах, и теперь ее называют украшением Вселенной.

Педикюр

Дочка

Мама, вставай.

Мама

Не встану.

Дочка

Давай, просыпайся, двенадцать часов дня.

Мама

Ох, боже, не дают человеку в его собственном доме немного отдохнуть. Дай мне поспать, я устала.

Дочка

Спи после обеда. Сейчас придет мастер делать педикюр.

Мама

Пусть подождет.

Дочка

Мама, я же его вызвала на определенный час.

Мама

А почему ты нашла парня? Маникюриши и педикюриши всегда женщины. У тебя все не как у людей.

Дочка

Я его нашла. Он делает на дому, и ты сказала, что он приличный, и что тебе нравится.

Мама

Мало ли что я говорю, зачем ты все запоминаешь.

Дочка

Ладно, давай, вставай.

Мама

Сейчас. Не стой у меня над душой.

Бесконечный канон

Нельзя сдаваться, только нельзя сдаваться, какими бы скверными ни были предчувствия. А как же, в конце концов, отличить правду от иллюзии, а такой момент непременно настанет, время освобождения, когда с глаз спадет пелена, и все предстанет в своем истинном свете. Только надо выдержать.

Деловая встреча

Дочка

Мама, не подглядывай.

Мама (*входит.*)

Я не подглядываю. Здравствуйте.

Режиссер

Здравствуйте.

Мама

Кажется, я вас знаю. Вы кто?

Режиссер

Я Драган...

Дочка

Это мой товарищ по работе, режиссер, мы работаем.

Мама

Мне надо надеть очки, чтобы лучше вас видеть. (*Надевает очки.*) А, припоминаю, вы ставили тот спектакль, который критики раздраконили на прошлой неделе.

Дочка

Мама, отстань. У нас работа. Выйди.

Режиссер (дочке.)

Не груби. (Маме.) Вы, как я вижу, интересуетесь театром.

Мама

Конечно. Знаете, меня еще моя мама водила в оперу, когда я была маленькая. У нас была ложа в Народном театре, пока эти бандиты у нас все не поотнимали. Да. Я все смотрела и все помню.

Дочка

Мама, говорю тебе, нам надо работать. Иди, готовь обед.

Мама

Вот, видите, какая моя дочка невоспитанная. Так странно, как будто не из приличного дома. Кто бы подумал? У нас всегда была прислуга, мне практически не приходилось готовить, а потом настали другие времена, что поделаешь. Человек должен ко всему привыкать. А вы женаты?

Режиссер

Да, женат.

Дочка

У него трое детей, и он не кандидат в женихи, не надо меня рекламировать. Я же тебе сказала, что нам надо работать.

Мама

А над чем вы работаете?

Режиссер

Мюзикл *Последняя жатва*. О жизни одной поэтессы.

Мама

Ну, ладно, важно что-нибудь делать. Как говорится, невозможно все время ставить только Шекспира. И театру надо деньги зарабатывать.

Режиссер

Да, вы абсолютно правы.

Мама

Хотя лучше было бы ставить великих классиков, чтобы просвещать народ. Вы заметили, на что у нас стали похожи культура и образование? Я, знаете ли, была работником просвещения. А теперь вокруг сплошной китч и примитив. Подумайте только, на днях читаю газету, а там на первой странице пишут про то, как какая-то деревенская певичка купила новые туфли, а только на пятой, что скончался профессор Срейнович. Наверное, важнее, что кто-то обнаружил Лепенски-Вир⁵, а не как одевается какая-то размалеванная вертихвостка.

Дочка

Мама, выйди из комнаты. Исчезни.

- 5 Лепенски-Вир – поселение эпохи мезолита и раннего неолита [кон. 8-го (нач. 7-го ?) – сер. 5-го тыс. до н. э.] на правом берегу Дуная, у Железных Ворот (на северо-востоке современной Сербии). Открыто и изучалось сербским ученым Драгославом Срейновичем в 1965–71 гг. Названо по наименованию водоворота на Дунае. Один из важнейших памятников для изучения мезолита – неолита Центральных Балкан, дал название выделенной по его материалам археологической культуре мезолита.

Мама

Вот, видите? Она ненормальная. Это у нее от театра, там все играют возбуждение, драма требует конфликта. У писателей, в принципе, не все дома. Я не знаю, как вообще люди с ней работают, наверное, она делает вид, что воспитанная.

Дочка

Мама, выйди.

Режиссер (дочке.)

Не нервничай. У нас есть время, мы почти закончили. (Маме.) Не хотите ли выпить с нами кофе? Мы бы вам рассказали, как будет выглядеть наш спектакль.

Мама

Спасибо, вы очень любезны, но я спектакли предпочитаю смотреть. Мне надо идти. В другой раз обязательно. Приятно было познакомиться. (*Направляется к выходу. Режиссер встает, чтобы попрощаться.*) Ой, а вы не очень высокий.

Режиссер

Да?

Мама

А по телевизору выглядите высоким. Кто бы мог подумать.

Режиссер

Приходите на премьеру.

Мама

Обязательно приду. И еще кое-что я должна вам сказать: в следующий раз, когда пойдете на телевидение, надень-

те пиджак, и не сутультесь, вы еще совсем не старый.
(Выходит.)

Режиссер

Ух, матушка у тебя крута.

Дочка

Тебе с ней пришлось труднее, чем с любой актрисой на сцене.

Режиссер

Я думал, что ее умиротворю, если приглашу посидеть с нами, но она меня в миг раскусила. И как она меня переиграла...

Дочка

С ней шутки плохи. Она – тяжеловес, черный пояс, седьмой дан. От нее ничто не ускользнет. Она каждый день переводит стрелки, никак не привыкну. Все время думаю, что я ее разгадала, а она ко мне подкрадывается с тыла, и вот я уже сижу на потолке.

Ка-та-стро-фа

Разумеется, я ошибаюсь, я все время ошибаюсь, вся моя жизнь – это вышивка, состоящая из неточных прогнозов, несвоевременных поступков, трусливых отступлений, плохих рисков, и одиночества, одиночества, одиночества. Любой мой выбор достоин осуждения, а теперь подошла очередь полной катастрофы. Нет ничего, что можно было бы предъявить в свою защиту, всё так, что уже хуже быть не может.

Но все-таки во мне выжила любовь, и к жизни у меня больше нет претензий.

Часть вторая

Идеальные половины

Жизнь коротка, а истина влияет
далеко и живет долго: будем
говорить истину.

Артур Шопенгауэр

В то время, когда угасли все мечты и воцарился покой, подобный паутине, старательно укрощая отчаяние, все имело достаточную причину, было понятно и вело к концу утоптанной узкой тропинкой. Вдруг случилось что-то необычное. Не оправдались все прогнозы. Что-то сильно нарушилось.

Послышалась музыка, и любовь вышла на подиум для танцев. Она возникла из трещины в мироздании и забрала себе весь доступный озон. Однако любовь была не одна. Вышло так, что существует ее идеальная половина. В поле зрения внезапно показалось напряженное соблазнительное лицо смерти. Раскрылась тайна, хранимая зонами, и растерянный Платон окаменел в бесконечности.

Потом начался танец. Влюбленные и самодостаточные, невзирая на разоблаченные мифы, потерянное будущее и исчезнувшее прошлое, на кромке бесконечности, в совершенной гармонии, любовь и смерть начали танцевать танго.

Кто это стучится?

Дочка

Папа? Папа, это ты?

Папа *(улыбается.)*

Это я.

Дочка

Как я рада тебя видеть!

Папа

Я пришел за мамой.

Дочка

Как это?

Папа

Я пришел за мамой.

Дочка

Ага. Да. Хорошо. Но она сейчас спит. Ночь.

Папа

Не имеет значения.

Дочка

Знаешь, тебя долго не было. Я должна тебе сказать...
Знаешь, она постарела.

Папа

Ничего страшного.

Дочка

Я должна бы ее подготовить, если ты ее уведешь.

Папа

Нет необходимости.

Дочка

Подожди, я объясню... Ей теперь приходится носить памперсы, но ты же ее знаешь, она такая упрямая, постоянно их сбрасывает... я не хочу, чтобы она опозорилась ... мне надо бы ее умыть, переодеть, подготовить, причесать...

Папа

Все будет в порядке.

Дочка

А, ну, ладно. А, может, дать ей с собой пальто, чтобы она не замерзла?

Папа

Она не замерзнет.

Дочка

Ага, хорошо. Сказать, что мама уходит?

Папа

Все узнают в свое время.

Дочка

Папочка, я ведь останусь совсем одна, если ты ее забереешь.

Папа

Да, это так.

Дочка

А как я буду справляться? Мне не будет трудно?

Папа

И будет трудно, и не будет трудно. Все наладится.

Дочка

Так, значит. Хорошо. Папа, ты где? Мы не попрощались.
(Встает и подходит к маминой кровати. Внимательно смотрит.) Мама, ты живая?

Мама

Ох, напугала! Надо выпить лекарство?

Дочка

Нет. Можно прилечь рядом с тобой?

Мама

Что случилось? Сон плохой приснился? Ложись.

Страх и трепет

«Любовь надвигалась на меня, тяжелая, как сфинкс с каменным дыханием. Я должна буду собрать все доступные умения и преодолеть искушения, – подумала Эмили Дикинсон, – чтобы объятие, которого я жажду, не сломало меня, как сухое печенье».

«Надо уметь любить, так всегда говорил пастор, а, если честно, и моя сестра», – вспоминала она. И тогда она задалась вопросом, кажется, не из-за трусости, будет ли все приобретенное ею умение, бурей гонимое, гибнуть на ветру. С другой стороны, когда речь идет о любви, никогда не знаешь, не надвигается ли это пелена, но не было никого, кто мог бы ей объяснить и освободить хотя бы от утомительного движения «к – от». Но время заняло позицию директора театра, оно скрывало решение, сужало пространство для маневра и принуждало ее к тому, чтобы взять риск на себя.

«Если сомневаешься, прыгай, – слышала она шепот из глубины своего естества, – бросайся в бездну без гарантии, что у тебя вырастут крылья».

«Наверное, в этот раз, – решила Эмили Дикинсон, резко вставая с кресла, – я должна буду не только разрешить, но и сделать все для того, чтобы любовь победила.

Единственное, что мне остается, это постараться сохранить присутствие духа», – вздохнула она. «Я должна буду, невзирая на охватывающий меня ужас, преодолеть свои смерти, воскресая. Каждое утро, еще раз, и опять, и снова».

В тот момент, когда она взяла в руки свою любимую тетрадь, на окно присел воробей, но Эмили его не видела, потому что села и начала писать.

Торт

Мама

Как тебе не стыдно! Ты украла у меня торт!

Дочка

Что? Какой торт, что с тобой с утра пораньше?

Мама

Ты торт у меня украла, сволочь такая!

Дочка

Мама, погоди. Что у тебя с лицом, почему рот переко-
сился?

Мама

Не тронь меня, злодейка. Верни мне мой торт!

Дочка

Ладно, ладно, только не нервничай. Вот, попей водички.
И, не беспокойся, сейчас мы найдем торт. *(Звонит по телефону.)* Можешь приехать? Ах, ты дежуришь? У нее
опять случился микроинсульт. Нет смысла вызывать ско-
рую, они не приедут... Хорошо, значит, только нитрогли-
церин, ага, ладно.

Мама

Верни торт, проклятая! Верни мой торт, не прикрывайся телефоном!

Дочка

Сейчас, мама. Только давай, вот это под язык.

Мама

Оставь меня в покое!

Дочка

Открой рот! Вот так. Посиди пока здесь, а я поищу торт.
(Заглядывает в холодильник, в кухонные шкафы, наконец, находит торт в тумбочке у кровати.) Вот твой торт, мама.

Мама

Да, я его здесь спрятала, чтобы его никто не трогал.

Дочка

А почему ты сказала, что это я у тебя украла торт?

Мама

Я никогда такого не говорила, что ты болтаешь.

Дочка

Неважно. Давай, ты приляжешь, отдохнешь немножко.

Воспоминание о будущем

«Можно сказать "да", – подумала одинокая поэтесса, – потому что и любое "нет – нет" в то же время и чему-то "да – да". Надо мне набраться храбрости сказать "да" счастливому покою». «Неплохо хорошо себя чувствовать», – решила она и улыбнулась, потому что вспомнила трехэтажный дом в Бостоне. Эта поездка в большой город, единственная, как потом окажется, произвела на поэтессу сильное впечатление. Когда она вернулась из путешествия и восстановила свой прежний душевный покой, то смогла начать обо всем раздумывать, и сенсации извне ее не тревожили. «Истинность чувств не должна измеряться только количеством пережитой боли», – заключила она под влиянием нового, охватившего ее воодушевления. «Тогда у меня получится, – взволновала ее мысль, – что при воспоминании о будущем я смогу угадать лицо своей истинной судьбы. И мне откроется эта тайна, в которой любовь дремлет под ольхой, держа трепетно и нежно мое сердце на ладони».

С океана подул сильный ветер, и все окна и двери, повернутые к морю, потребовалось срочно закрыть, чтобы не побились стекла.

*Темпо*⁶

Мама

Мне надо сходить в *Темпо*.

Дочка

Куда тебе в *Темпо*, если ты едва с постели встаешь? Нам надо десять минут, чтобы до ванной дойти.

Мама

Мне надо идти, у меня там есть кое-какие дела.

Дочка

Какие дела? Скажи, что ты хочешь купить, я схожу.

Мама

Мне надо пойти сфотографироваться. Мне надо получить удостоверение личности.

Дочка

Мама, удостоверение личности получают в полиции, а не в универсаме.

Мама

Не мели чушь! Спроси Мирьяну, она там получила удостоверение личности за полчаса.

6 Сеть гипермаркетов в Белграде.

Дочка

Это карточка «бус-плюс».

Мама

Что это – «бус-плюс»? Вызови такси, мне надо ехать.

Дочка

Это проездной.

Мама

У меня пожизненный проездной. Вот, посмотри.

Дочка

Он уже недействителен.

Мама

Вызови мне такси.

Дочка

Давай, ты немножко полежишь. Давай, помогу.

Мама (*ложится.*)

Разбуди меня, когда придет такси.

Дочка

Конечно, разбужу, только принесу тебе лекарства.

Шаг вперед

«Теперь я совсем ясно вижу, только от нашего умения будет зависеть наша судьба и наши желания вне времени и пространства. Мы должны заполнить все белые пятна своим взаимным существованием. Нам некуда деваться», – подумала Эмили Дикинсон, быстро встала и открыла все окна. Потом села и стала торопливо писать, едва поспевая за своими мыслями.

«Почва все время подрагивает от грядущих перемен. Облака мечутся в противоположных направлениях, горы скрежещут, дожди срыгивают в небесной колыбели. Туманы сгущаются над перегретыми озерами, деревья обливаются потом, водовороты превращаются в открытые раны. Пространство ускользает, дрожит и судорожно рыдает. Время проявляет себя в сдержанности и умноженных страхах, все должны внести свой вклад. Поэтому мысль так медленно катится, все сливается во взгляде глаза в глаза.

Обстоятельства вынудили меня покинуть теснины и сбросить оковы ледяных страхов. Пока все мои неза-тянувшиеся шрамы дрожат в ознобе, я осмеливаюсь, из глубокой немоты, их извлечь и поименовать. Это передо мной окно в Бостоне, и я делаю шаг к нему».

Спектакль

Дочка

Мама, что случилось? Что такое? Как ты упала с кровати?
(*Пытается ее поднять.*)

Мама

Я должна собираться. За мной заедет Драгослава на такси. Мы идем в театр.

Дочка

(*Усаживает мать на полу, прислонив к кровати, безуспешно пытаюсь уложить.*) Мамочка, мама, ты ушиблась? Как ты упала? Давай, наденем ночнушку.

Мама

Нет! Я иду в театр! Я спешу! Я должна одеться. За мной заедет Драгослава.

Дочка

(*С трудом укладывает мать на кровать. Ей удалось ее поднять только наполовину. Приносит платье. Начинает плакать.*) Мама, Драгослава не придет.

Мама (*меняет тон.*)

Бедный мой ребенок, как ты мучаешься. (*Опять меняет тон.*) Не беспокойся, сейчас таксист меня поднимет,

когда приедет Драгослава. Дай мне платье. Который час?
Смотри, чтобы я не опоздала.

Дочка

Не опоздаешь, не волнуйся. Рано еще в театр. Прими
лекарство.

Мама (*глотает лекарства.*)

А, тогда я могу немного поспать. Убери отсюда это платье,
смотри, чтобы не помялось. Не буду же я спать в платье.

Дочка

(*Убирает платье, надевает на мать ночную
сорочку.*)

Поспи, мама.

Полет по спирали

Позтесса уже была серьезно влюблена, когда ее радость постепенно начала терять свое космическое измерение. Болезненное расстояние вызвало усиление беспокоящего действия окаменевших взглядов и обманчивых воспоминаний. Одиночество и действительность вызвали только нервическую меланхолию. Дарованные слова, стерильные и остывшие, переселились на потолок, исчезающий под растениями, висевшими, как прозрачные сосульки. Иллюзии, подумалось ей, располагают невероятным арсеналом приманок. Так ей, облагороженной отшельничеством, осталось только то, что она сама подарила. Впрочем, в ее распоряжении был груз слов, это изобилие блага, которое она могла вручить оконному проему как невозвратные дары, такие, которыми не покупается ничья преданность и которые не служат ничьему тщеславию.

А надо было на все взглянуть и под другим углом, и она отправилась в путь по бескрайней пустыне вдоль океана, чтобы телесная усталость открыла ей новые горизонты. Взгляд искоса умножил перспективы, скручивания и кривые. И, наконец, она создала красноречие в танце. «В некоторых мертвых языках, – всплыло у нее из памяти, когда она уже сидела за своим письменным

столом, — появляется омонимия, когда одно и то же слово обозначает и дар, и яд. Эта семантическая двойственность утешает и указывает на развязку. Дар, приносимый смертью, есть дар освобождения. Но только до тех пор, пока я могу дарить, — пришло ей в голову, — я не смогу умереть. Спасение пришло, парадокс в том, что я всё-таки должна его дожидаться. Я буду ждать, и писать стихи. Это единственное, что я умею», — с тоской подумала поэтесса и наклонилась над тетрадью.

Увольнение

Мама

А что на ужин?

Дочка

Пита с сыром и йогурт.

Мама

Смотри, чтобы йогурт был не холодный. Ты знаешь, что я не люблю пить холодное.

Дочка

Не волнуйся, всё как надо.

Мама

А что это за женщины сегодня были?

Дочка

Из агентства. Мы возьмем круглосуточную сиделку.

Мама

Мне никого не надо. И эти, которые днем приходят, мне только мешают.

Дочка

Мне надо. Ты не можешь оставаться одна, пока я на работе, ты слишком старая.

Мама

Я старая? Что ты говоришь? Сколько мне лет?

Дочка

Восемьдесят восемь.

Мама

Ого, кто бы мог подумать?! Так это значит, что я буду жить до ста лет.

Дочка

Конечно. Ешь.

Мама

А кто эти женщины, что сегодня приходили?

Дочка

Мы найдем женщину из агентства, за тобой присматривать.

Мама

Мне никто не нужен, я все могу сама.

Дочка

Ты не можешь ходить.

Мама

Да, у меня болят ноги.

Дочка

Поэтому эта женщина будет у нас в доме, будет тебе готовить, будет ходить с тобой гулять...

Мама *(резко меняет тон.)*

Вы уволены. Покиньте мою комнату. Я сказала, что мне никто не нужен.

Кенозис

Когда Эмили Дикинсон потеряла всякую надежду, что из Бостона придет письмо или хотя бы какая-то весточка, она отказалась от намерения вновь туда поехать, как планировала раньше, и сообщила об этом своей семье.

«Теперь я буду молчать», – подумала она, распаковывая дорожный кофр. Так Антон Павлович много лет спустя прекрасно сформулирует ту же мысль и вложит ее в уста одной своей героини, которая скажет: «... Теперь буду молчать... Буду теперь, как гоголевский сумасшедший... молчание... молчание...»

Потом Эмили села за стол с намерением написать стихотворение, но поскольку была взволнована, ей это никак не удавалось, она только записала в дневник некоторые мысли, от которых не могла освободиться, но которые, когда она опять будет в состоянии писать, ей пригодятся.

«Мое терпение, – записала она, – достигнет совершеннолетия, умножится тайное значение пифагоровых чисел, замкнутся круги воспоминаний, опадет листва и в тысячный раз наступит осень, а я продолжу молчать. Если я совершаю поступки, движимая истинной любовью, то она безусловна и все перенесет, поэтому и нет нужды что-либо говорить. Легко ли это? Нет, но пути

назад теперь нет. Я должна жить в немоте, не-владении и не-милости. Кто-то и так должен. Каждый получает по мере своей или по заслугам, а мне, похоже, выпало прекратить напрасно тратить слова и отказаться от своих мыслей, потому что они ослабели, как дохлая кляча. Последовательность во всем, и мои поступки пусть тоже замолчат».

Следующие несколько дней поэтесса никого не принимала, ни с кем не сказала ни слова, и вообще не выходила из комнаты, что сильно расстроило ее близких, а горожане сплетничали, узнав об этом от прислуги. Поэтому позже в биографии поэтессы написали, что она была эксцентрична и замкнута.

Конфиденциальность

Мама

Не могли бы вы дать мне телефон моей дочки?

Дочка

Что?... Мама, я твоя дочка.

Мама

Так дай мне телефон. Мне надо спросить у тебя кое-что важное.

Дочка

Тебе не надо для этого звонить мне по телефону, видишь, я сижу рядом с тобой.

Мама

Нет, надо. Это очень конфиденциально, можно только по телефону.

Дочка

Хорошо, давай, съешь еще две ложечки, а потом позвоним по телефону, договорились?

Мама

А где папа?

Дочка

Что?!

Мама

Он давно уже уехал. И все не возвращается.

Дочка

Папа умер девять лет назад.

Мама

Как это? А я ничего не знаю.

Дочка

Мама, я с тобой живу, разве ты не помнишь?

Мама

Я в шоке. А от чего он умер? *(Плачет.)*

Дочка

Он был старый и умер. А ты забыла. Девять лет назад.

Мама

Я хочу прилечь. Меня клонит в сон.

Дочка

Хорошо. Давай, потихоньку. *(Ведет к кровати и укладывает.)*

Мама

А сколько мне лет? Восемьдесят?

Дочка

И восемь.

Мама

Много. Человек должен умирать вовремя.

Дочка

Вовремя, это когда придет время. Не нам решать. Давай, спокойной ночи. Сладких снов.

Мама

Я тебе скажу кое-что. Мне нравится жить. Вот так, чтобы ты знала. *(Улыбается.)*

Дочка

(Улыбается.)

Да, мама.

Письмо на льняных ладонях

Едва все наладилось, и когда в доме семейства Дикинсон все шло своим чередом, у лавки со смешанным товаром телеграфист остановил Лавинию и передал ей письмо для ее сестры. Отменив все свои несделанные дела и намеченные планы, она немедленно отправилась в дом брата, чтобы посоветоваться, что ей делать. Похоже, что возобладало мнение именно невестки, которая настаивала на том, чтобы письмо все-таки вручить Эмили, независимо от того, какое беспокойство оно вызовет. Так и было сделано.

Увидев на своем столе письмо из Бостона, Эмили Дикинсон решила, что выйдет прогуляться к морю, но передумала, вместо дверей комнаты случайно открыв дверцы шкафа. В тот же миг она решительно распечатала и прочла письмо. Оно касалось ее стихов, исключительно лестное, высоко оценивало ее необычное дарование, а содержание двух последних фраз могло быть истолковано и как выражение личной симпатии.

«Я не знаю, что это такое, что мной так дерзко овладевает, — записала тем вечером поэтесса в своем дневнике, — что меня без представления, без предупреждения, не говоря ни слова, всякий раз вновь убивает. Подобно

йогу я шагаю по раскаленным углям, от парадокса к парадоксу, не обжигаясь и не дыша. Меня больше нет, но все-таки я существую, только теперь в каком-то неизвестном пространстве и времени, где не действуют ни мои устои, ни мои умения. Мои мысли, онемев, теснятся у меня в ладонях, потому что никогда больше ничего не будет, как раньше. А страх неожиданно отступает, когда все вокруг накрывает льняная тьма».

Идиотка

Мама

Посади меня у окна. Я хочу позагорать.

Дочка

Сейчас, только сниму коляску с тормоза. Так тебе хорошо?

Мама

Намажь меня кремом, «Нивеей», чтобы загореть получше.

Дочка *(намазывает крем.)*

Так хорошо?

Мама

И ноги мне намажь.

Дочка

Вот, так.

Мама

Не уходи, побудь здесь.

Дочка

Я никуда не уйду. Буду сидеть рядом с тобой и читать.

Мама

А что ты читаешь?

Дочка

Последнюю жатву Эмили Дикинсон.

Мама

Ты все время читаешь. Ты любишь читать?

Дочка

Люблю.

Мама

Милая моя, что бы я без тебя делала.

Дочка

Я здесь, мамочка, не волнуйся. Ни на шаг от тебя.

Мама *(вдруг ударяется в панику.)*

Ой, скорей, скорей, убери эти крошки со стола, скорей!

Дочка

Мама, успокойся, что с тобой?

Мама

Ой, нельзя, чтобы стол был грязный, скорей, пусти, я уберу...

Дочка *(кричит.)*

Мама, прекрати! Сейчас на полдник будет персик.

Мама

Вы кто? Почему вы кричите?

Дочка

Совсем с ума сошла, меня не узнаёшь. Давай, сосредоточься. Скажи, как меня зовут.

Мама

Кого?

Дочка

Меня как зовут? Хочу услышать.

Мама

Ну-у...

Дочка

Как меня зовут?

Мама

Наверное, тебя зовут Идиотка, если ты не знаешь своего имени, а спрашиваешь у меня.

Грустные леммы⁷

У нее не было такой вспомогательной мысли, при помощи которой ей удалось бы поддержать свое угнетенное терпение и успокоить раздирающее страстное желание. Но в попытке самозащиты она думала, что надо еще постараться, и постоянно на ходу вслух повторяла, что жалость к себе – ее единственный, но самый опасный враг. Потом она искала опору в своих любимых, верных книгах. Евклид сказал, что те, которые не могут согласоваться, между собой равны. Он, разумеется, имел в виду математические объекты, а не смятенное сердце Эмили Дикинсон, но ей не на что было опереться. И теперь она припоминала, что седьмая аксиома толкует понятие конгруэнтности через движение. Но она уже потерялась в геометрии и не могла найти ту единственную прямую, чтобы связать между собой две ключевые точки. Так точки остались разлученными в пустом пространстве. Она не смогла соединить их даже слезами, потому что в евклидовом мире они идут параллельно.

7 Лемма – вспомогательная теорема, необходимая только для доказательства другой теоремы.

Придется подождать много лет после ее смерти, когда Лобачевский, одновременно с Бойяи⁸, проведет эту скривленную прямую, соединит потерявшиеся точки и выведет, если не Эмили, то хотя бы ее стихи из алгебраического тупика.

8 Бойяи, Янош (1802–1860) – венгерский математик, один из первооткрывателей неевклидовой геометрии.

Кто меня обворовывает

Дочка

Мама, ты опять выбросила деньги в унитаз.

Мама

Не ври.

Дочка

Вот, смотри, все купюры мокрые. Давай, я буду держать твои деньги у себя.

Мама

Верни мне часы и обручальное кольцо! И два ключа от замков, которые больше не используются.

Дочка

Какие замки?

Мама

Часы и кольцо верни, потому что это будет иметь для тебя далеко идущие и неприятные последствия!

Дочка

Вот твои часы, а вот твое кольцо.

Мама

Возвращаешь, когда я тебя поймала на воровстве.

Дочка

Хорошо, мама, только успокойся.

Мама

Когда-то ты была доброй волшебницей, а теперь ты злая ведьма. Бог-то есть! За все тебя накажет!

Дочка

Давай, пошли в ванную, потихонечку.

Мама

Не хочу мыться.

Дочка

Подними руку, я это сниму.

Мама

Не хочу мыться. У меня нет наручных часов и обручального кольца, и ключи от квартиры пропали. Безобразие!

Дочка

После ванны ты все получишь обратно.

Необходимое условие

«Наступает момент, когда человеку становится ясно, что ему больше не на что надеяться», – подумала поэтесса. «Момент, когда все закончилось: все шансы потеряны, все возможности исчерпаны или остались в прошлом, момент, когда все ворота закрылись.

Тогда надо отступить. Человек не может бесконечно долго оставаться в одиночестве там, где взаимность – необходимое условие.

Или, может быть, может? Еще один день... и еще один... и еще...»

Ад Вьетнама

Мама

Опять пропала моя блузка с серебряным люрексом! Что это за девки, которым ты отдала мою блузку? Верни немедленно!

Дочка

Вот твоя блузка. Давай, поешь супчику.

Мама

Пожалуйста, верни мне блузку с люрексом и шарф.

Дочка

Вот твоя блузка, разве ты ее не видишь? Давай, супчику поедим, пока не остыл.

Мама

Врешь и воруешь, хулиганка! В прошлом году ты украла у меня семь кухонных полотенец! Я это заметила, но промолчала. А потом у меня пропали папины рекомендации. Это ты украла.

Дочка

Да, мама, ешь.

Мама

Как тебе не стыдно! Я составила список пропавших вещей. У меня есть доказательство, что я не сенильная. Подай мне ту синюю папку. В ней список.

Дочка

Вот твоя папка, ну, давай, сначала поешь.

Мама

Отстань от меня, чудовище. Дай, я прочту.

Дочка

Читай, мама.

Мама

Номер один, бежевая шелковая комбинация. Номер два, черная кружевная блузка из Парижа. Номер три, у меня было пятьдесят пар чулок, пропали все темно-синие. Номер пять, свои платья и блузки я видела...

Дочка

А почему ничего нет под номером четыре?

Мама

Не перебивай. Я видела на твоей подруге Бисе.

Дочка

Мама, Биса умерла после бомбежки телевидения. Это было пятнадцать лет назад.

Мама

Пропало восемь парижских кухонных полотенец. Ты сломала мою микроволновку и тостер. Номер девять, джинсы, номер десять, черное пальто, ты его вернула, но со скрипом. Я должна была тебя просить. Двенадцать,

позолоченная рама со стеклом и скатерть на двенадцать персон, семидесятилетней давности.

Дочка

Мама, сейчас мне надо тебя переодеть. Встань.

Мама

Это я тебе перечисляю, чтобы ты знала, как я помню все! Ссориться с тобой надо было, а не молчать. Знаю, что многие вещи ты вернуть не можешь, кто знает, кому ты их отдала. Но часы и кольцо верни, это все, что у меня осталось от папы.

Дочка

Господи!

Прекращение работ

Когда около девяти утра в четверг, 20 января 1862 года, брат Эмили Дикинсон Уильям вернулся из Вашингтона, он вместе со своей женой Сюзанной и младшей сестрой Лавинией вошел в спальню, где были зашторены окна, и сказал: «Мы отсюда не выйдем, пока ты, дорогая сестра, не встанешь с постели». На что Эмили Дикинсон послушно приподнялась и села. Брат и сестра вышли, оставив невестку, чтобы та помогла ей одеться.

– Пришло время оставить математическую логику, к какой бы поэзии она ни была в состоянии тебя привести, – обратилась к ней кротким тоном невестка, пока подавала Эмили детали дневного туалета. И добавила:

– Ни одна идея об управлении действительностью никогда не приносила ничего хорошего.

– Мне следовало бы предвидеть, что я направляюсь к пропасти, – пробормотала поэтесса.

– Но риск был неодолим, – утешала ее невестка, – я это понимаю, и сопротивляться ему мог бы только кто-то намного более опытный, чем ты, и с более развитыми социальными умениями, чем у тебя когда-либо будут.

Когда начало смеркаться, Эмили Дикинсон занесла в дневник впечатления того дня, из этих записей сохра-

нилось всего несколько фраз. Там было написано: «Если бы человек был способен соотнести свои возможности с требованиями реальности, по свету бы кружило много счастья. А так, все тщета и духовная мука. Любить нелегко, но все равно, стоит попытаться, хотя бы и свидетелем собственного падения». И еще на полях страницы было записано совсем мелко: «Встану, как только смогу».

Девятый удар

Мама

Что ты делаешь, котенок?

Дочка

Мама, какая ты молодец, смотри, как хорошо ходишь!

Мама

Что ты делаешь?

Дочка

Пишу, мама.

Мама

Золотко мое. Только, знаешь, я не хочу в дом престарелых.

Дочка

Я тебе сто раз говорила, ни о каком доме престарелых и речи не идет. Поэтому я плачу всем этим женщинам, которые с тобой сидят, пока я на работе. А ты вдруг про дом!

Мама

Зачем нам все эти женщины? Я всех уволю. Мне никто не нужен.

Дочка

Хорошо, мама, ты есть хочешь?

Мама

Что ты мне даешь эту гадость? Знаешь ведь, что я не люблю куриные грудки. Хочу говяжьё котлету. *(Зажигает сигарету.)*

Дочка

Что это ты делаешь?

Мама

Курю.

Дочка

Мама, ты никогда не курила, что на тебя нашло?

Мама

А сейчас мне нужна сигарета.

Дочка

Кардиолог должна прийти с минуты на минуту. Десяти часов не прошло, как у тебя случился девятый микроинсульт. Ты не могла ходить. Пожалуйста, отдай мне сигарету.

Мама

Не отдам.

Дочка

Что доктору скажем, когда она сейчас войдёт?

Мама

Я скажу, что ты курила.

Прозрение

«Я держала свою надежду за горло и, наверное, целую вечность не позволяла ей меня оставить», – казалось, что поэтесса обращается к кусту, рядом с которым сидела. «В любом случае, – продолжила она бормотать, – это длилось слишком долго и несоразмерно положению дел. Я должна была видеть, мне предлагалось множество доказательств, но я стояла на своем. Я не хотела оставлять надежду, хотя очень скоро она стала безосновательной. Я предлагала свое сердце на ладони, как неуместный дар. К сожалению, это было лишним, и только молчание возвращалось ко мне. Но все равно, я любила больше, чем обещал завтрашний день.

В конце концов, на смену моей безоговорочной склонности пришло отрезвление. Все мои мечты отреклись от меня. Действительность немилосердно свидетельствует о масштабе поражения и гибели. Это цена, которую я должна заплатить».

Потом Эмили встала с намерением вернуться в дом, но еще раз оглянулась на море. «Если бы рядом кто-нибудь заплакал, в тот момент, когда жизнь мне помогает наказанием, то я в своем недостойном случае нашла бы опору в чьей-то печали, – подумала она, – может быть, мне стало бы легче».

Отставка

Дочка

Давай, я тебя переодену.

Мама

Я читаю газету.

Дочка

Мама, нам пора в ванную.

Мама

Что тут пишут? Ты ушла со своей должности!

Дочка

Мама, не беспокойся, я получаю зарплату. Главное, ты не волнуйся, у нас есть на все, что нам нужно, мы не останемся без денег.

Мама

При чем тут деньги? Здесь же пишут, что ты подала в отставку.

Дочка

С должности, но это ничего не значит.

Мама

Значит, у тебя теперь не будет визитной карточки?

Дочка

А зачем мне визитная карточка?

Мама

Значит, ты опять никто и ничто!

Дочка

Да, мама, а теперь пойдем в ванную.

Мама

Я думала, что ты вернешь нам чердак, теперь, когда ты при власти.

Дочка

Я была при власти не по чердакам, а по культуре.

Мама

Я знала, что нет у тебя способностей.

Дочка

Обними меня, я тебе помогу.

Домик ежика

«Мои мысли освободились, – подумала Эмили Дикинсон, – истлели шелковые нити, которые в них врезались. У меня нет больше сердца, похожего на гранат, его оболочка растрескалась. Я опять располагаю своим временем. Еще снег не растаял, а я уже могу слышать шепот арбузов поздним летним днем. Круги на воде моих навязчивых состояний мгновенно погибают, намного раньше, чем брошенная мысль достигает дна. Больше ничего так не страшно, как еще казалось недавно, теперь, когда весь напрасный любовный труд в объятиях океана».

Летний отдых

Мама

Я хочу на воздух. Ты меня все время держишь в доме.

Дочка

Мама, ты не можешь ходить.

Мама

Я хочу на Златибор. Я люблю Златибор.

Дочка

Хорошо, мы поедем, как только начнется отпуск.

Мама

Мы туда переедем?

Дочка

Мы поедем туда отдыхать, а потом опять вернемся домой.

Мама

Ты моя хорошая, как бы я без тебя. Отвези меня домой.

Дочка

Мы дома, мама. Это твой дом. Разве ты его не узнаешь?

Мама

Мамочка, а мы поедem в отпуск?

Дочка

Конечно, поедem. Скоро поедem, не волнуйся.

Счастливая звезда

«Мне снилось, что я уехала в Омск. Ты меня слышишь?» – поэтесса приподнялась на подушках и посмотрела на свою сестру. Лавиния уже месяц, с тех пор как Эмили заболела, ночевала в ее комнате. «Спи, спи, не волнуйся», – прошептала Эмили, поднялась из постели, села на подоконник и добавила: «И камни, и океан, и птицы запомнят.

Там, недалеко от города, на равнине, на границе тайги и тундры, видна звезда Альфа Центавра. Если человек сумеет найти точку, на которую падает отраженный свет звезды, и задержится в ней на мгновение, то его сердце может исцелиться.

Я там была. Меня отвел сон. Я видела, как Вселенная любит прислушиваться к тишайшим шепотам этого места. А потом монгольские шаманы мне открыли, что моя раздвоенная душа будет танцевать при возвращении. Ты можешь представить себе, Лавиния, сбылась моя мечта о счастье. Всего-то и надо было, что заснуть этой ночью. Мое сердце вернулось наполненным. Я опять могу писать».

Потом Эмили Дикинсон вернулась в постель, чтобы спокойно встретить утро. Она намередовалась, как только

займется завтрашний день, 15 мая 1886 года⁹, начать новый цикл стихотворением под названием *Последняя жатва*.

9 День кончины Эмили Дикинсон. *Последняя жатва* – сборник, изданный посмертно.

Не хочу

Дочка

Доктор, почему у нее не снижается температура?

Врач

К сожалению, это не просто грипп.

Дочка

А в чем дело?

Врач

Это вирус лихорадки Западного Нила. Передается с укусом комаров.

Дочка

Но на Златиборе нет комаров! Тогда непонятно, почему меня никто не укусил.

Врач

Так бывает. Но у таких пожилых людей прогнозы очень туманные. У нее уже пневмония и воспаление мозговых оболочек.

Дочка

Да, понимаю. Спасибо, доктор. *(Врач выходит.)* Мамочка, не бойся, все будет хорошо. Ничего не бойся, любимая моя мамочка. Я здесь, я с тобой. Хочешь, я тебя причешу?

Мама

А-а-х.

Дочка

Мама, дай, я тебя причешу.

Мама

А-а-х.

Дочка

Давай, будешь красивая и аккуратная. Смотри, какие здесь все внимательные и добрые. Мамочка, и ногти приведем в порядок. Чтобы ты лицо себе не оцарапала. Не отнимай руку.

Мама

А-а-а-х.

Дочка

Не выдумывай, мама, это не больно. Я же тебе просто стригу ногти.

Мама

А-а-а-х.

Дочка

Не дергай рукой, успокойся.

Мама *(вдруг строго смотрит и кричит.)*

Не хочу!

Дочка *(начинает смеяться.)*

О, мама, ты мой Александр Македонский! Никто с тобой не сравнится на всем белом свете, неутомонная моя... Это ты улыбаешься?

Мама

Ха, ха!

Дочка

Мамочка, любимая моя.

Мама *(начинаются судороги.)*

А-а-а-а-а-а-а-а-х!

Дочка

Что такое? Доктор! Сестра!

Врач

Выйдите немедленно. Вы должны выйти. Сестра, дефибриллятор! Срочно!

Дочка

Ах, извините, я не хотела помешать... Вот, выхожу.

Одиночество

Все еще стоит сильная жара. Везде опущены жалюзи, и в квартирах полумрак. Город почти пуст, окутан приятной тишиной. Только кондиционеры энергично трудятся, производя искусственную прохладу, и сочатся водой, как рабы пóтом. Лужицы быстро высыхают, и вдалеке асфальт как будто покачивается в мареве испарений. На рынке появился виноград.

Белград, 2009–2016

Об авторе

Ивана Димич (р. 1957 г.) закончила Филологический факультет Белградского университета (Отделение теории литературы и сравнительно-исторического литературоведения) и Факультет драматического искусства, а также прослушала курс «Цивилизация» в Европейском университетском центре (Нанси, Франция). Автор сборников малой прозы, пьес, инсценировок и телевизионных сценариев. Переводчик с английского (М. Фрейн, Г.Пинтер, Н.Кауард и др.) и французского (В.Сарду, П.Мариво, Э.Ионеско и др.). Работала штатным и внештатным драматургом в белградских театрах, директором драматической труппы Народного театра и директором театра «Ателье 212» (Белград), а также помощником министра культуры Сербии. В 2005 г. присвоено звание Заслуженного деятеля искусств. Роман «Арзамас» удостоен премии общественно-политического еженедельника НИН за роман года, написанный на сербском языке. Живет и работает в Белграде.

От автора	5
Часть первая	11
Часть вторая	135
Об авторе	188

СЕРБСКАЯ ЛИТЕРАТУРА В ЦЕНТРЕ КНИГИ РУДОМИНО

СЕРИЯ «СЕРБСКОЕ СЛОВО»

Поймай падающую звезду.

Антология современного сербского рассказа

Составитель Любинка Милинчич,

предисловие: Михайло Пантич,

перевод: Л.Савельева, В.Соколов

«Опираясь на богатую и ко многому обязывающую традицию, формировавшуюся в течение нескольких столетий, современные сербские авторы силой художественного воображения создают огромный «параллельный мир, своеобразный прозаический универсум – несравнимо более уравновешенный и гармоничный, чем мир исторической и политической повседневности».

Михайло Пантич

Старомодная манера ухаживать: Рассказы.

Перевод: Ж.Перковская, А.Плотникова, Л.Савельева, Е.Сагалович,

О.Сарайкина, Ю.Созина, Е.Шатько

«Рассказы о парах» Михайло Пантича, хотя и насыщены литературными аллюзиями, – это всегда непосредственный опыт городской жизни, где сквозь обезличенную повседневность проступает стремление героев разобраться в собственно любви и боли...

Данило Киш

Гробница для Бориса Давидовича.

Перевод: Е.Сагалович

Данило Киш (1935–1989) своей повестью «Гробница для Бориса Давидовича» (1976) воздвиг памятник всем жертвам политических репрессий. Книга переведена на 28 языков. На русском языке опубликована впервые.

СЕРИЯ «СТО СЛАВЯНСКИХ РОМАНОВ»

Горан Петрович

Сеансы одновременного чтения.

Перевод: Л.Савельева

Эта книга – о любви. Не столько профессиональной любви к букве (букве закона, языковому знаку) или факту (бытописания, культуры, истории), как это может показаться при беглом чтении; но Любви, выраженной в Слове – там самом Слове, что было в начале...

Ласло Блашкович

Ожерелье Мадонны: По следам реальных событий.

Перевод: Е.Сагалович, В.Соколов

Действие романа происходит в тюремной больнице в момент бомбардировок Сербии. Рассказ каждого из четырех персонажей – это история частной жизни на фоне событий конца XX века, история полемики литературных поколений. Используя своеобразные «фильтры» юмора, иронии, автор стремится преодолеть местные, национальные и глобальные мифы и травмы и побудить читателя размышлять о значении формы в мире, стремительно меняющем свои очертания.

Литературно-художественное издание 16+

И в а н а

Д и м и ч

Арзамас

Художественный редактор

Т.Н.Костерина

Оператор компьютерной верстки

Л.Г.Иванова

Оператор компьютерной верстки переплета

В.М.Драновский

Технолог

М.С.Кырбаш

ООО «Центр книги Рудомино»

109189, Москва, ул. Никольямская, д. 1

Отдел реализации издательства: (495) 915-35-18

e-mail: synkova@libfl.ru, amin@libfl.ru

<http://www.facebook.com/CentreBook>

Технологическое сопровождение

и допечатная подготовка ООО «Бослен»

(499) 270-09-59, (495) 971-89-09

<http://www.boslen.ru>

Подписано в печать 05.09.2018

Формат 84х108/32

Тираж 1000 экз.

Заказ № 8686.

Отпечатано с готовых файлов заказчика

в АО «Первая Образцовая типография»,

филиал «Ульяновский Дом печати»

432980 г. Ульяновск, ул. Гончарова, д. 14

